

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [В. В. Огарков](#)
 -
 - [Вступление](#)
 - [Глава I. Начало карьеры Воронцовых](#)
 - [Глава II. Михаил Воронцов – великий канцлер](#)
 - [Глава III. В “Золотой” екатерининский век](#)
 - [Глава IV. Примерные братья](#)
 - [Глава V. Кары и милости](#)
 - [Глава VI. Знаменитейший из Воронцовых](#)
 - [Глава VII. Мирная деятельность](#)
 - [Глава VIII. Кавказская эпопея](#)
 - [Литература](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

В. В. Огарков

Воронцовы

Их жизнь и общественная деятельность

Биографические очерки

*С портретом князя М. С. Воронцова,
гравированный в Лейпциге Геданом и
родословной семьи*

Генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов

Вступление

В числе фамилий, представители которых занимали за последние полтора столетия высокие государственные должности и отличались талантами, на одном из самых первых мест стоит род Воронцовых, давший нашему отечеству замечательных деятелей. Достаточно назвать знаменитого президента Российской Академии княгиню Дашкову (урожденную Воронцову), искусного дипломата Семена Романовича и деятеля недавно минувшего времени, князя Михаила Семеновича, чтоб видеть, на каких разнообразных поприщах заслуженно прославились представители помянутой фамилии. Редкая для своего времени образованность, самостоятельность и энергия, большие таланты и трудолюбие составляли, передаваясь преемственно, удел многих Воронцовых, а в особенности тех, которым посвящен наш очерк: канцлера Елизаветы Михаила Илларионовича, его племянников Александра и Семена Романовичей и сына последнего – князя Михаила Семеновича.

Если мы обратим внимание на условия, при которых приходилось жить и действовать Воронцовым, то должны признаться, что в атмосфере лести и угодничества, в раболепной обстановке, окружавшей фаворитов и “случайных” людей тогдашнего времени, и притом в стране, где “почти не было общественного мнения” (по выражению автобиографической записки графа Александра Воронцова), самостоятельность убеждений и отсутствие льстивой угодливости составляли, несомненно, редкое и высокое достоинство. Способность “с улыбкою говорить правду государям”, да еще таким, как Павел I, нельзя не считать доказательством душевной стойкости. А между тем в братьях Александре и Семене Воронцовых мы несомненно встречаем эти черты характера, которыми, может быть, в значительной степени объясняются превратности и неудачи их карьеры: холодное отношение к братьям Екатерины II, – не переваривавшей сурового и стойкого нрава Александра Романовича и, как известно, тяготившейся Дашковой, – а также и суровые меры императора Павла I по отношению к Семену Романовичу, последствия которых, к счастью, быстро были заглажены вскоре воцарившимся Александром I.

Бескорыстие, столь редкое в то время, составляло одну из симпатичных сторон изображаемых нами Воронцовых. И на этом с отрадою отдыхает исторический обозреватель той эпохи, когда повальная корысть обуяла всех сверху донизу, когда казенные деньги бесцеремонно

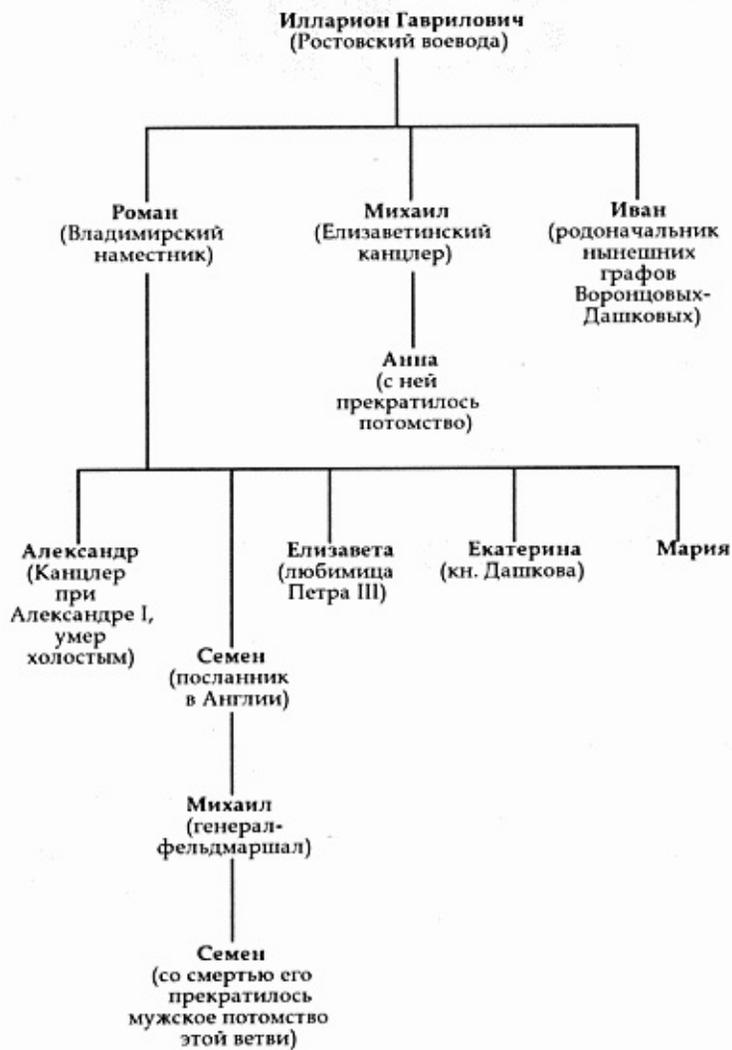
смешивались с собственными и грабеж казны для личного обогащения в той или другой форме был одним из распространенных явлений.

Но отмеченные выше достоинства героев настоящего очерка не исключали существования в них недостатков. Некоторые привычки и понятия, всасывающиеся с молоком матери и упорно поддерживающиеся всем строем окружающей жизни, провожают человека до могилы. И как нам теперь кажутся несправедливыми и жестокими многие взгляды и привычки прошлого, так, вероятно, и наши собственные отношения к окружающим нас явлениям, – наш умственный и нравственный обиход, – покажутся потомкам варварскими.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на лиц, которым посвящен этот очерк, то увидим, что, обладая в слабой степени некоторыми из недостатков своего времени, въевшимися, так сказать, в людей органически, Воронцовы далеко превосходили современников своими достоинствами. Графы Александр и Семен Романовичи, как деятели главным образом минувшего столетия, когда в обществе еще очень робко и пугливо раздавались голоса против крепостного права, не могли горячо сочувствовать освободительным тенденциям, ссылаясь, между прочим, и на неподготовленность “раба” к освобождению. Но и они возмущались многими явлениями крепостничества, и в особенности продажей отдельных крестьян. А сын Семена Воронцова – князь Михаил Семенович, – как в этом, так и в других вопросах был одним из убежденных членов небольшого передового кружка людей во время императора Александра I и, как известно, подал в это царствование вместе с Каразиным и другими записку об освобождении крестьян.

В странах, где, благодаря историческим условиям, во главе народа поставлены высшие классы, нельзя не отметить как благоприятное обстоятельство тот факт, что некоторые представители этих классов сознают свои обязанности по отношению к обществу и искренно проводят в своей деятельности правило “noblesse oblige”^[1]. Этот принцип всегда был на виду у лучших представителей рода Воронцовых.

**РОДОСЛОВНАЯ ВОРОНЦОВЫХ,
упоминаемых в очерке**

Родословная Воронцовых

Глава I. Начало карьеры Воронцовых

“Феерическое” время. – Воевода Воронцов. – Его семья. – Дружба святителя Димитрия Ростовского. – Сближение Воронцовых с Елизаветою. – Веселый двор цесаревны. – Служба Михаила Воронцова. – Воцарение Елизаветы. – Участие в этом событии Воронцова и Лестока. – Милости государыни к Воронцовым. – Женитьба на кузине императрицы. – “Пляска на вулкане”. – Судьба знатных в минувшем столетии. – Канцлер Бестужев. – Отношение его к Михаилу Воронцову. – Охлаждение императрицы к испытанному слуге. – Заботы Воронцова о родных. – Стесненные денежные дела его. – “Иллюминации и трапезы”. – Просительные письма вице-канцлера. – Деятельность его. – Отношение к Ломоносову. – Исполнение курьезных поручений. – Воспитание дочери. – “Мягкость” Воронцова. – Отвращение к интригам

Восемнадцатый век в русской истории необычайно обилён волнениями и переворотами, представлявшими благодарную почву для честолюбцев и ловких людей, создававших блестящие карьеры. Это был век необыкновенных и быстрых возвышений и не менее стремительных и ужасных падений. “Безродный баловень счастья”, полуграмотный пирожник Меншиков был почти самодержавным властелином при Екатерине I и в детстве Петра II. Конюх Бирон сделался регентом громадного государства, раскинувшегося от Ледовитого океана до Черного моря. Каждое *coup d'etat*^[2] выбрасывало людей из скромной обстановки в близость к трону и делало сержантов тогдашней гвардии, – как Потемкина и Орлова, – могущественными временщиками, князьями и графами; фельдшер Лесток получил высшие в государстве чины и ордена, а молодой офицер Зубов в небольшой промежуток времени сделался князем и “полным” генералом, приобретя такое могущество, которое под конец сломало и несокрушимого Потемкина. Это было сказочное, феерическое время с волшебными превращениями и людей, и окружавшей их обстановки.

Вероятно, и скромный статский советник и Ростовский воевода Илларион Гаврилович Воронцов (родился в 1674-м, умер в 1750 году) не думал, что судьба так скоро вознесет все его ближайшее потомство и сделает среднего сына – Михаила Илларионовича великим канцлером обширной Российской империи и мужем двоюродной сестры императрицы

Елизаветы.

Михаил Илларионович родился 12 июля 1714 года. У него было два брата – Роман и Иван, – и возвышение среднего отразилось, понятно, на всем семействе. Старший брат будущего канцлера, Роман, был родоначальником тех Воронцовых, которым главным образом посвящен этот очерк.

О детстве Михаила Илларионовича мы имеем мало сведений, но то обстоятельство, что мать его, Анна Григорьевна, урожденная Маслова, пользовалась дружбою знаменитого святителя Димитрия Ростовского, достаточно объясняет факт, что будущий канцлер в ту бедную образованными людьми эпоху выделялся своею письменностью и книжным образованием. Благотворность близости святителя, который при чистоте жизни отличался большою любовью к книжному просвещению (известно, что он велел обложить себя в гробу своими черновыми рукописями), к семье Воронцовых могла выразиться именно в этом отношении, – и в восприимчивую душу даровитого мальчика Михаила могли запасть речи и пример образованного пастыря. И мы действительно видим в Михаиле Илларионовиче человека, смолodu любившего книги, поддерживавшего связи с русскими и иностранными учеными и содействовавшего образованию своих племянников – будущих государственных деятелей – Семена и Александра Романовичей. Известная образованность и способность владеть пером были несомненною причиною того, что Михаил Илларионович при скромном дворе цесаревны Елизаветы, не изобиловавшем людьми письменными и книжными, являлся необходимым человеком.

По преданию, лицом, сблизившим с Елизаветою семью Воронцовых, что и явилось причиною необычайного возвышения последних, была жена старшего брата Михаила Илларионовича (Романа), мать княгини Дашковой, – Марфа Ивановна, урожденная Сурмина; она, получив громадное наследство от отца своего, служившего при Петре I “конюшим патриаршего приказа”, часто ссужала Елизавету деньгами, в которых, как известно, цесаревна нередко нуждалась. В кассе будущей императрицы, повелительницы миллионов людей, за две недели до восшествия на престол, как видно из доношений начальника вотчинных дел, было менее *ста* рублей... При таком состоянии финансов Елизавета, естественно, должна была дорожить богатою сибирячкою Сурминой и оплатила впоследствии сторицею всей семье Воронцовых за оказанную ей помощь.

Как бы то ни было, но в 14 лет мы видим Михаила Илларионовича пажом при дворе цесаревны. Здесь, вероятно, он научился по-французски,

владея порядочно этим языком и иногда ведя на нем корреспонденцию. Что же касается до немецкого, то, как видно из одной записки Екатерины II, просившей канцлера присылать ей немецкие депеши, последний им не владел.

Хотя цесаревна Елизавета и находилась в опале при жесткой характером императрице Анне, имевшей, конечно, право питать подозрительность к дочери Петра Великого, но, как известно, опальная цесаревна умела и в своем уединении от двора весело жить. Она была добрая, мягкосердечная женщина, не забывавшая оказанных ей услуг и способная на долгую привязанность. Как и многие женщины, склонная иногда прощать большое, она могла, однако, жестоко мстить за дерзость соперничать с нею красотой или затмевать ее нарядами на придворных балах. Известно, что главным образом за эти вины поплатилась красавица Лопухина. Тем не менее, Елизавета обладала симпатичным, добрым сердцем и в этом отношении была совершенным антиподом своей кузины, суровой и беспощадной Анны Иоанновны. Весьма возможно, что в атмосфере этого веселого, не знавшего особенных этикетов двора цесаревны, вблизи жизнерадостной Елизаветы, значительно окрепли те черты добродушия и гуманности в характере Михаила Илларионовича, которые мы встречаем во всех действиях этого вельможи. Может быть, тут сказались и влияние доброй матери, а также и близость в детстве, когда так глубоко западают в душу все впечатления, к великому подвижнику земли русской – святителю Димитрию Ростовскому. Во всяком случае, можно смело сказать, что имя Михаила Илларионовича не замешано ни в одном кровавом процессе того времени и его совесть была чиста от обвинения в приобретении личного благополучия путем несчастья других. А это было обычным явлением в то время. Когда подвергшийся опале знаменитый канцлер Бестужев явился в совет, где ему объявили немилость государыни и где его арестовали, и когда непримиримый враг Бестужева, фельдмаршал князь Трубецкой, собственными руками сорвал с опального Андреевскую ленту, это очень оскорбило и опечалило Воронцова, хотя Бестужев был не раз причиной и его собственных огорчений. Отношение Воронцова к дочери, жене и племянникам ясно говорит о гуманности этого первого канцлера из даровитой семьи Воронцовых.

Будучи камер-юнкером Елизаветы, Михаил Илларионович исполнял многие поручения цесаревны, в том числе и важные. Мы уже сказали, что дочь Петра I должна была дорожить Воронцовым: он один в ее маленьком придворном штате владел пером, много читал и отличался образованием. При исполнении поручений, цесаревна могла убедиться в ловкости и

преданности своего камер-юнкера. И по всему видно, что Елизавета отличала Михаила Илларионовича и верила ему. “Понеже я ни на кого такую надежду не имею, как на Вас, – писала цесаревна Воронцову, – так как себе верю: много апробаций имела”. Долгое пребывание при Елизавете сдружило последнюю с Михаилом Илларионовичем и заставило видеть в нем искреннего и преданного слугу; вот причины, по которым он – один из немногих – был посвящен в тайну задуманного переворота.

Настало 25 ноября 1741 года. Этот день, принесший несчастье правительнице Анне Леопольдовне и ее многострадальному семейству, был началом новой эры для рода Воронцовых: Михаил Илларионович принимал в событиях этого дня самое деятельное участие. Владычество немцев давно набило оскомину русским. Живо было еще в обществе воспоминание о жестокостях Бирона, курляндского конюха, распорядившегося в России, как когда-то у себя на конюшне. Взоры всех были обращены на дочь Петра, казавшуюся в глазах народа самую законную обладательницу престола отца и преемницу его славы. Недавний блестящий успех знаменитой расправы Миниха с Бироном кружил головы многим честолюбцам и заставлял надеяться на удачу и нового предприятия.

Известно, как произошло это достопамятное событие. В ночь на 25 ноября 1741 года цесаревна в санях Воронцова, с Михаилом Илларионовичем, ставшим на запятках, и сопровождаемая другими санями, занятыми ее приверженцами, приехала в Преображенские казармы, где уже находился Лесток; этот авантюрист предусмотрительно распорол ножом кожу барабана, чтоб растерявшийся часовой не произвел тревоги. Впрочем, по другим известиям, Лесток не дожидался в казармах, но стоял вместе с Михаилом Илларионовичем на запятках саней Елизаветы. Лесток и Воронцов тогда же арестовали Анну Леопольдовну и ее семейство.

Если мы примем во внимание, что в случае неуспеха отважного предприятия участникам его грозила страшная судьба и что вообще для участия в таком романтически-смелом поступке нужна была не робкая душа, то мы можем сказать, что добродушный и гуманный Михаил Илларионович скрывал в себе недюжинную энергию и отвагу и что, с другой стороны, он был искренно предан цесаревне.

Утро 25 ноября возвестило о новой русской императрице и о милостях ее к друзьям и помощникам в деле воцарения. Милости, доставшиеся на долю Михаила Илларионовича, вполне вознаградили его за риск участия в совершенном деле. Он был пожалован в камергеры (в то время это звание считалось более редким, чем ныне) к воцарившейся императрице,

произведен в генерал-лейтенанты и назначен лейтенантом роты Преображенских гренадер, которая с тех пор получила название лейб-кампании, и те рядовые ее, которые не были дворянами, возведены в это достоинство и одарены поместьями. Михаил Илларионович тоже сделался владельцем богатых поместий и кавалером ордена св. Александра Невского. Вся семья Воронцовых, после счастливого воцарения Елизаветы, была осыпана милостями государыни, а жена брата Михаила Илларионовича (Романа) Марфа Ивановна, пользовалась неизменною дружбою государыни до самой своей смерти, несмотря на зависть и наговоры на нее императрице со стороны Шуваловой, имевшей большое влияние при дворе.

Скоро служба Михаила Илларионовича ознаменовалась новыми милостями Елизаветы: она ему предложила жениться на одной из своих двоюродных сестер, графине Гендриковой или графине Скавронской, дочерях двух родственников императрицы Екатерины I. Михаил Илларионович выбрал, “к счастью” (по выражению его племянника графа Александра Романовича в автобиографической записке), графиню Скавронскую и действительно жил с нею в полном согласии, хотя, как увидим ниже, не был счастлив в своем потомстве. Этот брак (в 1742 году) с родственницею государыни на время еще более сблизил Воронцова с Елизаветою и ознаменовался новыми милостями для всей семьи любимцев. Впрочем, вскоре произошли обстоятельства, которые охладили чувства императрицы к ее камергеру. Чистосердечный и неискусный в интриге Воронцов не мог хорошо лавировать среди разнообразных придворных течений, где были опытные интриганы вроде Бестужева.

Интересную и вместе с тем страшную картину представляла жизнь высокопоставленных сановников и придворной толпы в начале и середине прошлого столетия. Эта жизнь представляла собою положительно “пляску на вулкане”. И с страшными ударами судьбы и коварною переменчивостью счастья пришлось ознакомиться большинству тогдашних вельмож. “Полудержавный властелин” Меншиков, мечтавший основать чуть ли даже не собственную династию, обладатель громадных богатств, изведавший все почести, какие только возможны “на высоте”, кончил бедным изгнанником в Березове, в избе, занесенной сугробами снега... И это изгнание смирило гордую душу временщика: жестокий и надменный раньше, он кончил жизнь кротким христианином, со святым и умиротворяющим Евангелием в руках... участь Долгоруких, пославших Меншикова в ссылку, оказалась еще страшнее: после мук унижения, после позора и бедствий долгого изгнания они были вновь судимы и погибли на эшафоте мучительною смертью. И

какой длинной вереницей тянутся эти страдальческие тени прошлого, деяния которых теперь мирно покоятся в архивах! Бирон, Остерман, Левенвольд, Миних, Девьер, Вольтер... Сколько кровавых воспоминаний вызывают эти имена в нашем воображении!

Царствование Елизаветы было, правда, не так богато печальными процессами, – оно в этом отношении уступало предыдущим царствованиям, в особенности Петровскому времени и Бироновщине, – но все-таки нравы наших предков не могли внезапно из жестоких сделаться мягкими. Люди слишком огрубели от тех ежовых рукавиц, в которых их держали ранее, и, кроме того, многие еще деятели прежнего времени перешли деятелями и в новую эпоху.

Одним из сановников, искусившихся в интриге и игравших большую роль при Елизавете, является Алексей Петрович Бестужев, бывший кабинет-министр в царствование Анны и вице-канцлер при начале правления Елизаветы. Это был человек необычайно хитрый, замечательно даровитый и с большими государственными знаниями. Воспитанный в трудной школе бироновщины, когда приходилось ловчить всевозможными средствами, Бестужев мог провести и вывести на “свежую воду” всякого, хотя – по пословице “повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить” – и “старая лиса” Бестужев в конце концов сломал себе голову. Страстный противник Пруссии и Франции, он оказал в свое время большие услуги родине на политическом поприще. Благодаря энергии и ловкости, Бестужев побеждал всех своих противников и не постеснился выслать из России французского посланника Шетарди, помогавшего деньгами воцарению Елизаветы и думавшего найти в ней орудие французских происков. Бестужев, верно служивший интересам России, разрушил козни Шетарди, воспользовавшись оригинальным способом, изобретенным Фридрихом II, – перехватыванием чужих писем (“перлюстрация”). Француз неосторожно отзывался в своей корреспонденции об императрице, – письма были показаны государыне, и Шетарди выслали из Петербурга в 24 часа. Мы упоминаем об этом обстоятельстве и вражде к Франции со стороны Бестужева потому, что эти причины имели впоследствии влияние на группировку партий при дворе и на отношения Воронцовых к Бестужеву.

Бестужев, видя сначала в Воронцове помощника себе и человека, близкого к государыне, способствовал, после получения места великого канцлера, определению Михаила Илларионовича в вице-канцлеры (1744 год). Этою мерою он думал создать себе приверженца, и, с другой стороны, для него являлось весьма удобным то обстоятельство, что Воронцов часто

виделся с Елизаветой и мог ей чаще докладывать, нежели сам Бестужев: государыня не особенно любила дела, да еще в докладах такого желчного, подозрительного старика, каким был великий канцлер. Михаил Илларионович, – и это делает ему честь, – всегда ценил таланты Бестужева и его расположение к себе. Молодой вице-канцлер усердно занимался делами, и его проекты часто одобрял сам канцлер. Деятельность с Бестужевым была великолепной школой для Воронцова: может быть, этому-то последнему главным образом и обязан своими государственными знаниями и способностями, не без пользы впоследствии примененными к делу.

Но, несмотря на вышесказанное, столкновения между Воронцовым и Бестужевым были неизбежны: первый, частью по убеждению, а частью – из-за личных привязанностей к представителям Франции в России, с которыми его сдружило общее участие в событии 25 ноября, – держал сторону этой державы, между тем как Бестужев был ее ненавистником.

Старый канцлер сумел устранить молодого своего помощника от дел и влияния на императрицу, устроив его поездку за границу, которой Воронцов, пожалованный в 1744 году в графы Римской империи, очень желал и ранее. В это путешествие он отправился с женою и дочерью (родившеюся в 1743 году), в конце 1745 года. По обыкновению всех путешествующих русских вельмож, Михаил Илларионович смотрел в Европе разные диковины, покупал себе различные редкости, представлялся по дороге знатым лицам и царствующим особам, не забывая о своих впечатлениях сообщать знаменитому канцлеру. В свою очередь, и Бестужев писал Воронцову льстивые письма, неизменно заканчивая их “нижайшею просьбою о дружбе их сиятельств”.

В этой поездке прошел год, но старый канцлер, не терпевший, по своему громадному честолюбию, соперников во влиянии на дела и государыню, сумел, за время отсутствия своего помощника, наплести на него такую сеть интриг и клеветы и так убедить в справедливости этих наветов Елизавету, что она совершенно изменилась в отношениях к своему испытанному слуге и родственнику.

Несколько лет Михаил Илларионович не был у “личного доклада” государыне, его просьбы не исполнялись, а влияние на дела было самое незначительное. Но и любовь императрицы, и милости ее вернулись с лихвою к Воронцову впоследствии.

Мы должны отметить симпатичную черту вице-канцлера – его любовное и ласковое отношение к родне, и в особенности к детям овдовевшего в это время брата Романа. По возвращении из-за границы

Михаил Илларионович взял к себе в дом младшую племянницу (впоследствии знаменитая княгиня Дашкова). Она была однолетком единственной дочери вице-канцлера и воспитывалась вместе с нею в доме дяди, где прожила до самого замужества. Племянники вице-канцлера – Александр и Семен Романовичи – с детства почти постоянно бывали у дяди, и он, как добрый отец, заботился об их воспитании и образовании. Такая близость к дяде и делам государственным, вместе с заботливым и ласковым отношением Михаила Илларионовича к племянникам, послужила для последних прекрасною подготовительною школою к будущей деятельности и хорошо ознакомила их с тогдашними делами и политическими деятелями.

За это же время охлаждения императрицы Михаил Илларионович начинает испытывать затруднения в денежных делах, и эти затруднения потом красною нитью проходят через всю его жизнь.

Не имея родового состояния и не умея устраивать своих дел, – в чем он совершенно не походил на брата Романа и старшего сына последнего Александра, скопивших громадные воронцовские богатства, – Михаил Илларионович постоянно нуждался, и в его просительных письмах к императрице о “пожалованиях” встречаются самые красноречивые изображения денежных бедствий просителя. Часто эти письма, кроме того, содержат внушительные списки долгов Воронцова, и в них вице-канцлер ссылается на то, что в его звании нельзя “жить по-философски, а надо – по-министерски”. Ему нужно шить ливреи лакеям, богатые платья, “иллюминации и трактаменты делать”. То он просит взять назад пожалованные ему деревни и выдать за них деньги, то повторяет ту же просьбу о принадлежащих ему горных заводах.

Хотя эти постоянные просьбы Михаила Илларионовича вроде бы дают повод заподозрить его в жадности, однако на самом деле он по справедливости мог закончить свои моления к государыне утверждением: “я от природы не сребролюбец и после меня богатства не останется!” Вице-канцлер мог смело говорить так: его тороватость и “простота” не подлежат сомнению, – они-то и заставляли Воронцова допекать Елизавету “воплем” о помощи. Высокое звание, которым был облечен Михаил Илларионович, и близость его к государыне обязывали много тратить на “представительство”, на что он и ссылается в просьбах. Ослепительная роскошь самой императрицы давала в этом отношении соблазнительный пример подданным.

К чести Михаила Илларионовича нужно сказать, что он, стоя так высоко на ступенях общественной лестницы, никогда не злоупотреблял

своею властью из-за личных выгод, в чем немало был грешен его старший брат Роман.

Мы не можем удержаться, чтоб не привести выдержку из одного просительного письма Михаила Илларионовича о пожаловании ему деревень. “Ибо, – пишет Воронцов, – как свет сей без вариаций и теплоты солнечного сияния никак пробыть, а тело без души – движения отнюдь иметь не может, так и мы все, верные рабы Ваши, без милости и награждения Ваш. Импер. Вел. прожить не можем... И я ни единого дома, фамилии в государстве не знаю, которые бы, собственно, без награждений от Монарших щедрот себя содержали”.

Последнее замечание Воронцова весьма справедливо.

С возвращением милостей Елизаветы (в 1753 году), убедившейся в несправедливости наветов Бестужева, Воронцов наконец получил возможность поправить свои дела: ему было пожаловано одно из лучших барских имений в Ливонии, Мариенбург; но непрактичный вице-канцлер, нуждаясь в наличных деньгах, продал его за баснословно дешевую цену барону Фитингофу, положившему эту покупку начало своему громадному богатству.

Императрица учредила конференцию, или постоянный совет, собиравшийся во дворце два раза в неделю для суждения о важнейших государственных делах. Одним из усердных посетителей и работников в этом совете был Воронцов, проекты которого, как мы уже имели случай заметить, часто одобрялись Бестужевым. Но все-таки следует сказать правду, что вице-канцлер ничем особенным в своей государственной деятельности не выдавался и в совете по-прежнему доминировал знающий и изворотливый Бестужев. Во всяком случае, за Михаилом Илларионовичем нет перед отечеством особенных заслуг в делах политических, где ему, правда, и трудно было выделиться при Бестужеве. Но внимание историка останавливается на нем, как на деятельном и порядочном работнике, бескорыстном и добром человеке и как на подготовителе своих племянников Александра и Семена Романовичей к будущей их деятельности.

Отношения вице-канцлера к русскому гению Ломоносову способны только усилить наше уважение к бескорыстному и доброму меценату Воронцову: он помогал Ломоносову, ходатайствовал за него и переписывался с ним, относясь с искренним уважением к диковинному помору. Непокладистый и не спускавший даже “сильным мира”, Ломоносов, кажется, искренно уважал Михаила Илларионовича.

Ломоносов, как известно, был на все руки мастер и имел право

произнести свой знаменитый и гордый ответ Шувалову. Последний, рассердившись на Ломоносова, сказал ему, что “отставит его от академии”, на что не дававший и вельможам спуску Михаил Васильевич отвечал:

– Нет; разве академию от *меня* отставят!

Граф Воронцов часто пользовался разнообразными услугами Ломоносова: последний сочинял ему надписи на транспаранты, писал стихи и устраивал иллюминации, хотя и в этом случае сказывалась неладница в денежных делах Михаила Илларионовича. Так, в одном из писем к Ломоносову он просит об устройстве иллюминации по случаю какого-то торжества, но жалуется на денежную “скудость” и потому желает уладить это дело “на 500 рублей”... Памятник на могиле Ломоносова в Александро-Невской лавре воздвигнут его искренним почитателем – Михаилом Илларионовичем Воронцовым.

Кроме переписки с Ломоносовым, Михаил Илларионович вел корреспонденцию и с другими просвещенными русскими людьми, например, Кантемиром. Многие письма Воронцова испещрены цитатами из Вольтера и других писателей. Замечателен факт, что многие из наших властительных вельмож, – даже самые отчаянные реакционеры, – упивались Вольтером и поддерживали оживленные сношения с этим резким разрушителем всяких кастовых привилегий и тонким борцом за свободу и гуманность. Этот факт, конечно, объясняется подражательностью и модою, и сомнительно, чтоб здесь участвовала разумная и ясная оценка со стороны наших тогдашних сановников деятельности великого писателя.

Наряду с важными государственными делами и поручениями Михаилу Илларионовичу приходилось нередко, как и другим крупным лицам, исполнять для государыни смешные комиссии. И этот факт характеризует вообще отношение тогдашних властителей к самым высокопоставленным лицам, как к личным их слугам и исполнителям прихотей. При Анне Иоанновне целый ряд представителей знаменитых фамилий забавлял ее шутовскими выходками, даже кудахтая по-куриному в лукошках в комнате государыни.

При Елизавете нравы были, конечно, мягче, но в деловой корреспонденции Михаила Илларионовича мы встречаем следы довольно странных поручений его повелительницы. В письмах, например, к Михаилу Петровичу Бестужеву (посланнику в Париже, брату канцлера) Воронцов просил “для высочайшего любопытства” немедленно доставить портрет в натуральную величину “славного карла короля польского Станислава”. Но все подобные черты, конечно, были в нравах того далекого прошлого, о котором мы здесь рассказываем.

Из записок княгини Дашковой видно, какое старание прилагал Михаил Илларионович к тому, чтоб дать лучшее воспитание своей единственной дочери вместе с подругою ее детства – известным впоследствии президентом Российской Академии. Обе они обучались у лучших тогдашних учителей разным наукам и знали четыре языка. Вице-канцлер, как мы уже знаем, заботился и о воспитании своих племянников, детей брата Романа, – человека еще не старого, отдавшегося светским удовольствиям и мало обращавшего внимания на свое потомство.

Из сказанного нами обрисовывается портрет первого высокопоставленного Воронцова. Это был добрый, хороший и просвещенный человек с большою душевною “мягкостью”, редкий экземпляр в то жестокое и невежественное время, что не исключало, однако, в нем известной нравственной стойкости в важных вопросах; трудолюбиво и с талантом занимавшийся государственными делами сановник, хотя и не отличавшийся, как его знаменитый современник Бестужев, чрезвычайными дарованиями. Редкий семьянин, гуманный и заботливый в попечениях о родных и знакомых, он и в этом отношении далеко выделялся из круга своих надменных современников. Его бескорыстие было несомненно. Разные современники – князь Щербатов, Манштейн и другие, оставившие нам записки о делах минувшего, не сходясь в оценке дарований Михаила Илларионовича, все единогласно отдают ему справедливость как человеку бескорыстному и чуждому интриг. Вероятно, последнее обстоятельство немало способствовало тому, что он не имел особенных врагов и что ему пришлось удержаться на достаточной высоте при всех позже последовавших на родине событиях. В общем, с этими же симпатичными, но не особенно выразительными чертами смотрит на нас образ Михаила Илларионовича и со страниц воспоминаний о нем его племянников – Александра и Семена Воронцовых, многим обязанных дяде и глубоко уважавших его.

Царствование Елизаветы было прекрасным временем для семьи Воронцовых. Две старшие племянницы Михаила Илларионовича (дочери брата Романа) были почти с детства фрейлинами императрицы, у которой часто собиралась молодежь на обеды и балы. В доме вице-канцлера, нынешнем пажеском корпусе, постоянно почти находились представители всей фамилии Воронцовых, в особенности часто дети Романа Илларионовича. Очень нередко запросто бывала там и императрица, как известно, очень приветливая и простая, когда этому не препятствовали суровые правила придворного этикета.

Но то время было чревато переменами и событиями огромной

важности, которые захватывали в свой круговорот всех властных представителей современного общества... При дворе уже давно на смену Разумовскому появился Шувалов. Великая княгиня (впоследствии императрица Екатерина II), будучи 9 лет бездетною, разрешилась от бремени сыном... Это событие, упрочивавшее престолонаследие, необычайно обрадовало Елизавету и было отпраздновано бесконечными пирами и увеселениями, причем на окружающих пролились многие милости государыни... Приближалось уже время опалы Бестужева и возвышения Воронцова, время знаменитых побед русского оружия над Фридрихом Великим. Это время прибавляет несколько новых симпатичных черт к портрету Михаила Илларионовича, и мы теперь перейдем к названной эпохе.

Глава II. Михаил Воронцов – великий канцлер

Могущество Бестужева. – Опала Лестока. – Замыслы канцлера. – Ненависть к Фридриху Великому. – Союз с Францией и деятельность Михаила Воронцова. – Разгром Пруссии. – Щедрость на проекты. – Отступление Апраксина. – Опала Бестужева. – Назначение канцлером Воронцова. – Монополии и откупы. – Грех за Воронцовым по этой части. – Юноша Воронцов – послом в Англии. – Смерть Елизаветы. – Память о “доброй фее” у Воронцовых. – Воцарение Петра III. – Советы канцлера племяннику. – Осторожность дипломата. – Добрые отношения к подчиненным

Канцлер Бестужев достиг могущества в середине царствования Елизаветы. В костлявом и худом теле этого человека жила могучая душа, и борьба с ним была чрезвычайно трудна и опасна. Непомерное честолюбие являлось его господствующей страстью, но это честолюбие счастливо сочеталось с достижением результатов, полезных государству. Хитрый старик притом не забывал обид и не стеснялся в достижении своих целей никакими средствами. Мы уже видели, как он ловко удалил препятствовавшего его планам посланника Франции Шетарди. В своей ненависти к Фридриху II он пошел еще дальше и не постеснялся удалить из России принцессу Ангальт-Цербстскую, мать Екатерины II, слишком усердно и бесцеремонно интриговавшую в пользу прусского короля. Наступила очередь и Лестока.

Знаменитый авантюрист достиг в начале царствования Елизаветы всего, чего только может жаждать человек, ценящий “земные блага”: почестей, чинов, орденов и богатств, пользуясь притом большим влиянием на императрицу. Но всего этого Лестоку было мало: он, по-видимому, скучал без интриг и тяготился влиянием Бестужева. Подкапываясь под него, он придрался к случаю “заговора Ботты”, чтоб доконать врага, и в этом случае, кроме других лиц, пострадали Лопухин и жена брата канцлера (впоследствии нашего парижского посла). Однако хотя это событие в известной степени и отразилось на репутации Бестужевых, императрица слишком ценила знания братьев, – в особенности великого канцлера, – чтобы оправдать надежды Лестока на гибель врагов. Старик, великолепно зная все государственные дела, снимал с императрицы тяжелую обузу

управления Россией: он, так сказать, “разжевывал” ей всякое дело, и вся забота ее заключалась только в том, чтоб написать на докладываемой бумаге знаменитое “Елизаветь”.

В свою очередь Бестужев отплатил Лестоку за его подкопы. Последнему пришлось испытать все неудобства борьбы с канцлером и муки тех пыток, на которые он сам с большою легкостью послал несчастных женщин, виновных разве только в излишней болтливости, а Лопухину – еще и в том виновную, что, как было сказано выше, соперничала красотой и нарядами с государыней. Но Лесток оказался стойким на дыбе, и от него ничего не допытались, хотя обвиняли и уличали во многом. Действительно этот смелый француз был способен на всякие “авантюры”, но в упоминаемое время (1748 год) его вины заключались главным образом в том, что он с представителей всех держав брал взятки и часто действовал в пользу тех государств, интересы которых были противны выгодам России.

Звезда Бестужева померкла через десять лет после осуждения Лестока, но все-таки и эта “старая лиса” дождалась печального конца (1758 год). Старик давно уже начал надоедать императрице своим брюзжаньем, неподатливым характером и постоянными наветами на окружающих. Кроме того, он не переставал измышлять разные рискованные политические комбинации и дождался наконец обвинения, может быть, до известной степени и справедливого, – в желании устранить от престола Петра III, обвинения, которое и было причиною его падения, тем более, что он имел слишком много ненавистников и врагов.

Но прежде, чем перейти к этому обстоятельству, выдвинувшему Михаила Илларионовича, мы должны бросить взгляд на тогдашние европейские события и положение дел при русском дворе.

Знаменитое “европейское равновесие”, в стремлении к которому наши политики делают положение Европы таким шатким и неустойчивым и постоянно дерутся, имело и тогда многих адептов среди людей, заправлявших судьбами государств; оно и тогда было одною из незыблемых аксиом политических доктринеров. Успешная борьба Фридриха Великого с Австриею за политическое преобладание сделала слишком сильным этого государя и нарушала пресловутое “равновесие”. Начали образовываться союзы и против Фридриха, и одною из первых держав, отпавших от Пруссии, была Франция.

У нас все одинаково ненавидели Фридриха, кроме только великого князя (Петра III), его страстного почитателя. В государыне искусно раздували неприязнь к ее коронованному современнику, выставляя на вид

его злословие и коварные замыслы заместить дочь Петра на русском престоле другими претендентами. Неприязнь к Пруссии была общая, но к Франции относились различно: Бестужев ее не любил, а Воронцов и Шувалов, ставшие могущественными при дворе, тяготели издавна к ней. Сношения с этою страпою, прерванные почти на 10 лет, возобновились при энергическом содействии Михаила Илларионовича Воронцова. Последний действовал в данном случае не по одним личным симпатиям, но и по убеждению в пользе союза с родиною Вольтера. “Я никакого пристрастия и ненависти ни к каким иностранным государствам не имел, не имею и впредь не буду, – писал он еще раньше Елизавете, вероятно, после наветов на него со стороны Бестужева. – Они все у меня дотоле в почтении содержатся, доколе к Вашему Величеству в искренней дружбе и любви пребудут”. Но как бы ни думал Воронцов о выгодах политического союза с Франциею или другою державою, они, эти державы, тогда, как и теперь, старались “выгрести жар из печи” русскими руками...

Итак, после успехов Фридриха и под влиянием сильной французской партии при дворе, был заключен союз с Франциею; и в этом деле главным действующим лицом является Михаил Илларионович. Переговоры велись помимо Бестужева и втайне от него, так что канцлер узнал о союзе с Франциею тогда, когда уже все совершилось.

Успех этой политической комбинации был первым сильным ударом для самолюбивого великого канцлера. Впрочем, все уже давно замечали охлаждение государыни к когда-то всемогущему министру. По отзывам современников, к этому времени и сам канцлер не так усердно работал, как прежде; вечные интриги, постоянно напряженная нервная деятельность, множество дел – все это могло утомить кого угодно. Очень может быть, что на канцлера расхолаживающе действовало и изменившееся отношение императрицы, по целым годам не принимавшей его с докладами, а также и то, что трудами рук Бестужева пользовались другие; но является несомненным, что хитрый старик в упоминаемое время не выказывал уже прежней энергии.

Мы не будем здесь излагать подробно последовавших вскоре за образованием союза против Фридриха II действий России в семилетнюю войну, – это завело бы нас далеко за пределы нашего очерка. Гром русских побед, – правда, доставшихся нам ценою громадных жертв, – наполнил всю Европу. Непобедимый, гениальный Фридрих остался без войска и в отчаянии хотел покончить с жизнью, враги наводнили и опустошали его родину, Кенигсберг и Берлин были взяты, и губернатором королевства Прусского состоял русский генерал Корф... Существовало даже желание

присоединить “прусскую провинцию” к России: Пруссия уже присягнула на подданство Елизавете и в этой новой нашей “губернии” заводились русские порядки... Рассказывают, что фавориту Шувалову очень хотелось прибавить к своему титулу и название “герцога прусского”... Если пирожник Меншиков был “светлейшим герцогом ижорским”, а берейтор Бирон – “герцогом курляндским”, то отчего же Шувалову, прирожденному русскому дворянину, не сделаться герцогом прусским? Весьма возможно, что он некоторое время питал эти надежды, а Елизавета не прочь была исполнить его желание, тем более, что это послужило бы к унижению ненавистного Фридриха, очень невыгодно отзывавшегося и зло острившего насчет русской императрицы.

Вообще то далекое время было очень щедро на самые несбыточные проекты. Вспомним хотя бы план Екатерины II – завоевать всю Турцию и посадить на византийском престоле своего внука, которому с этой целью и было дано при рождении имя Константина. И тогда еще Турция считалась колоссом “на глиняных ногах”, хотя этот колосс живет с тех пор уже более сотни лет, проживет, вероятно, и еще немало времени, а если и рухнет, то завалит своими обломками всю Европу. Вопреки пословице “у семи няnek дитя без глаз”, европейские няни не совсем еще занячили этого живучего младенца...

Щедрость прежнего времени на проекты, исполнение которых потребовало бы страшных, беспощадных жертв от государства, являлась естественным следствием неопределенности политических целей управителей, плохого знания родины и обилия “пушечного мяса”, с которым не церемонились.

Мы должны здесь остановиться на одном эпизоде семилетней войны – на первых шагах участия в ней русских. Апраксин, после некоторых удачных действий и после знаменитой победы при Гросс-Эгерсдорфе, форсированными маршами стал отступать к русским границам. Это похожее на бегство отступление было одною из причин падения Бестужева.

Около этого времени старый канцлер уже заключил дружбу с великою княгиней Екатериною Алексеевною (будущая императрица), очаровавшею всех своим умом и обращением. Видя болезненное состояние Елизаветы, которое могло разрешиться внезапною смертью, он уже составлял планы о преемнике больной государыни, помимо Петра III, неудобные свойства которого не могли не быть замечены прозорливым стариком. По этому плану престол переходил к внуку государыни Павлу Петровичу, а Екатерина назначалась регентшею. Современники говорят и о других вариантах этого проекта, который вскоре сделался известным императрице,

– и над Бестужевым, обвиненным, кроме того, и в отступлении Апраксина с войском, разразилась гроза. Между тем это отступление Апраксина вовсе не входило в планы Бестужева и могло произойти от действительного недостатка провианта для войск в опустошенном крае, а также и от известия, достигшего до Апраксина, о болезненной припадке с государыней, в случае смерти которой престол переходил к Петру III, страстному почитателю талантов Фридриха.

Великий канцлер был приговорен к смерти, но эта кара была заменена ссылкой, во время которой враги (главнейший – князь Трубецкой), обвинившие его, изрядно попользовались имуществом опального, возвращенного из изгнания только при Екатерине II, за которую он пострадал. К чести Михаила Илларионовича, он не принимал участия в действиях комиссии, судившей знаменитого министра, и не был в стае людей, с жадностью набросившихся на имения и прочее имущество старика.

Апраксин, во время заседания допрашивавшего его трибунала, при неосторожном возгласе одного из членов последнего, принятом обвиняемым за намек на пытку, умер, пораженный апоплексическим ударом.

С удалением Бестужева главное заведывание государственными делами перешло к Михаилу Илларионовичу, к которому императрица все более и более чувствовала расположение. В качестве патриота, сконфуженного эпизодом с Апраксиным, он еще прежде умолял генерала Фермера, заменившего обвиненного военачальника в командовании армией “употребить искусство и оставленные города в Пруссии обратно взять, тем ее величеству и отечеству нашему бессмертную славу и честь доставить, а для своей персоны заслужить вечную благодарность и двор наш оправдать от продолжающихся в Европе нескладных мнений о храбрости и руководстве нашей армии...” Дальнейшие заботы М. И. Воронцова были также направлены к торжеству русских над Фридрихом II, что и кончилось, как известно, разгромом Пруссии.

В 1758 году, 23 октября, Михаил Илларионович был назначен великим канцлером, – и эту весть объявила Воронцову сама императрица, приехав к нему в гости.

Хотя канцлер порой чувствовал себя серьезно больным, что и при Елизавете заставляло его просить отпусков и даже отставки, но он по-прежнему усердно занимался делами, посвящая в них также своих племянников – графов (графское достоинство было пожаловано обоим братьям канцлера) Семена и Александра Романовичей, которые, бывая

постоянно у дяди, встречая там посланников всех держав и постепенно вникая в ход европейских дел, стояли au courant^[3]. всех тогдашних политических событий. Эти Воронцовы уже в раннем возрасте проявляли развившуюся при благоприятной обстановке необычайную любознательность.

Звание великого канцлера – первой “персоны” в государстве – было слишком заманчиво, чтоб им не мог воспользоваться даже скромный и бескорыстный Михаил Илларионович для поправления своих делишек и для того, чтобы “порадеть родному человечку”. Это, впрочем, делалось им в скромных размерах и в приличной форме, так что отнюдь не изменяет прежней аттестации о его бескорыстии.

А денежные дела великого канцлера были по-прежнему плохи и ставили его нередко в неудобное положение. Еще ранее канцлерства какой-то досужий “газетир” утрехтский сообщал о Воронцове, что “ему за усердное тушение пожара дворца в Москве, где, с гренадерами смешавшись, жизнь свою экспонировал, пожаловано 25 каре в Лифляндии с 25 тысячами рублей ежегодного дохода”. Такой странный слух за границую об источниках его доходов очень оскорбил Воронцова, и он писал графу Головкину об истребовании от “газетира” объяснений, откуда тот почерпнул это известие о способностях Михаила Илларионовича по пожарной части.

Как известно, положение тогдашнего могущественного вельможи весьма благоприятствовало извлечению больших личных выгод путем получения разных монополий, откупов и подрядов от казны. Известно, что даже “великолепный князь Тавриды” не гнушался монопольною продажей водки и торговал стеклянными изделиями. Это, разумеется, являлось благовидным предлогом для выуживания разными способами казенных денег, потому что монополии и откупа были весьма разорительны для государства в руках могущественных сановников, за невозможностью наказать их и потребовать от них строгого отчета.

И за Михаилом Илларионовичем есть такой же грех, но, конечно, в более мягких формах. Желание поправить свои дела заставило и его пуститься в торговые спекуляции под крылом монополии. Он, будучи канцлером, в 1759 году выхлопотал с генерал-прокурором Глебовым привилегию на исключительный отпуск из портов Архангельского и Онежского льняного семени; к участию в этом деле канцлер приглашал и Кирилла Разумовского, обещая ему богатые “прибытки”. Но и тут не повезло Воронцову: его ожидания на выгоду от предприятия не оправдались и он не поправил своих дел...

Что же касается до помощи родным, то, будучи канцлером, Михаил Илларионович еще больше заботился о них, чем прежде. Мы уже говорили, что княгиня Дашкова до своего замужества жила у дяди; вместе с дочерью последнего они пользовались уроками у одних и тех же учителей, жили в одних комнатах и одевались одинаково, хотя никогда близко не сходились характерами и привычками. Впоследствии и сам канцлер недолюбливал Дашкову, находя, что у нее нрав “развращенный и тщеславный” и только “мнимые разум и наука”. Но этот дядин приговор смягчался указанием на заслуги племянницы, имевшей большое участие в восшествии на престол Екатерины II, в чем “ее должно весьма прославлять и почитать”. Вообще, отметим при этом, что почти все Воронцовы, включая и отца княгини Дашковой, очень не любили Екатерину Романовну и справедливо обвиняли ее в некоторых предосудительных поступках.

С другою племянницею – Елизаветою, жившею на половине великой княгини, – у канцлера было тоже горе. Дядя пытался выдать ее замуж, но этого сделать не удалось. Вообще говоря, положение Михаила Илларионовича в отношении к “малому” двору (то есть к чете наследника престола) было странное. Сестры Елизавета и Екатерина, его племянницы, являлись антагонистками: интересы первой связывались с успехами Петра III, а другая, ненавидя Елизавету за ее “фортуны” и желая устроить свою собственную, стала страстным и энергическим бойцом за права великой княгини. Но следует сказать, что Михаил Илларионович в отношении к “малому” двору держал себя в высшей степени тактично, хотя мог бы, как это делали другие временщики, вести себя с большим гонором; напротив, он всегда действовал мягко и старался улаживать возникавшие недоразумения между императрицею и великокняжескою четю. Может быть, этому тактичному поведению в дворцовом деле Михаил Илларионович обязан тем, что и в последовавшие два царствования он все-таки играл известную роль, и Екатерина II к нему относилась милостиво.

Племянника Александра Романовича канцлер, при посредстве французского посланника Лопиталья, сначала поместил в школу “chevaux legers”^[4], в Версале. По возвращении оттуда 20-летний Воронцов был сначала определен в Вену поверенным в делах, а затем – полномочным послом в Голландию и наконец, в 1762 году, этот юноша, которому едва только исполнился 21 год, был уже полномочным русским посланником при могущественной европейской державе – Англии!

Вся родня канцлера Воронцова, конечно при энергическом посредстве его самого, была благодетельствована покровительствовавшею этой фамилии государынею. Брат канцлера Роман был генералом и сенатором, а

Иван Илларионович (предок нынешних графов Воронцовых-Дашковых) – президентом вотчинной коллегии. Но дни императрицы Елизаветы, пролившей столько благоденствий на Воронцовых и царствование которой являлось кульминационным временем их могущества, были сочтены: она скончалась 25 декабря 1761 года. Смерть ее, конечно, была сильным ударом для Воронцовых, потерявших в ней свою добрую фею. Память о благодетельнице-государыне у всех знавших ее представителей этой семьи была окружена священным ореолом. Это поклонение покойной проявлялось даже в мелочах: например, на связках писем усопшей государыни, писанных к Михаилу Илларионовичу, рукою последнего изображено: “Письма *дражайшиз* руки Е. И. В.”. Эта короткая надпись говорит о многом, и, вероятно, не одна слеза верного раба и слуги упала на эти пожелтевшие от времени связки!

Воцарился Петр III, и благодаря его благоволению к Елизавете Воронцовой положение семьи последних пока не ухудшалось; напротив, Роман Илларионович, участник забав государя, быстро пошел в гору, получив чины, ордена и богатства.

Но, как известно, все, окружавшие царственную чету, чувствовали себя нехорошо, – в воздухе слышалось приближение грозы. Михаилу Илларионовичу было, вероятно, не лучше других, так как к общим причинам беспокойств у него прибавилось и личное горе: единственная дочь канцлера, на которой сосредоточены были привязанности родителей, вышедшая замуж за графа Строганова в начале 1758 года, была несчастлива в замужестве и скоро разошлась с супругом, опечалив любящего отца. Она умерла бездетною, немногим пережив канцлера. Вероятно, неудачи в собственном семействе и отсутствие мужского потомства заставили дядю еще более заботиться о племянниках, вполне впоследствии оправдавших его попечения.

Советы и указания Михаила Илларионовича племяннику Александру Романовичу в то время, когда тот поехал учиться во Францию, а затем состоял посланником, указывают на родственную заботливость, большой здравый смысл канцлера и его знания тогдашних политических обстоятельств. Вместе с тем как в этих письмах, так и в его посланиях к дочери проглядывают интересные бытовые черты современности.

Умеренный в личных расходах и принужденный много тратить лишь по высокому званию канцлера на “трактаменты” и представительство, Михаил Илларионович не упускал случая пожурить племянника за большие расходы и постоянно давал ему советы насчет “умеренности и аккуратности”. В особенности, по его мнению, была уместна скромная

жизнь в Голландии... “Там народ, – писал Воронцов племяннику, – весьма сребролюбив и генерально все скупы: в сем случае вы им можете подражать!” Обращает на себя внимание заботливость дяди о том, чтоб его племянник читал по-русски и не забыл родного языка за границей.

В письме к дочери в Вену видна осторожность дипломата. Михаил Илларионович посылал Строгановой зеленый чай, только что полученный с китайской границы, и поручил подарить часть его графине “Квестенборговой” и Эстергази. “Только узнай, – прибавлял в письме канцлер, – пьют ли чай?” Он просил сначала самим отведать напиток, чтоб решить вопрос о годности его для питья. Эта же ловкость дипломата видна и в том, что Михаил Илларионович, при заключении союза с Францией, очень кстати задаривал m-me Помпадур соболями и другими вещами, так как фаворитка имела большое влияние на дела.

Из других писем канцлера видно, как он интересовался науками; так, он просил привезти ему телескоп “смотреть прохождение планеты Венус мимо Солнца” и др.

Ведя важные государственные дела, Михаил Илларионович не забывал собственноручно записывать свой личный приход и расход, хотя эта аккуратность несколько не поправляла ему дел. Он не упускал выписывать в расходную рубрику и “мамзель в счет жалованья”, и “столяру иноземцу на иллюминацию”, и даже карточные проигрыши Разумовскому, Шувалову и другим лицам.

Отношение Михаила Илларионовича к своим подчиненным по коллегии иностранных дел, а также и к представителям России за границею указывает еще на новую черту порядочности в характере канцлера: он постоянно и нелицемерно ходатайствовал за служащих и настойчиво добивался требуемого. Из писем Воронцова, например, к Бехтееву, нашему уполномоченному в Париже, виден мягкий, гуманный и надежный для подчиненных характер канцлера.

Но и для этого доброго, достаточно бескорыстного и просвещенного елизаветинского сановника наступали иные дни.

Глава III. В “Золотой” екатерининский век

“Явление Фелицы”. – Радость в Петербурге. – Поведение канцлера Воронцова. – Старые и новые “звезды”. – Немилости к Воронцовым. – Отпуск и отставка канцлера. – Молодые сменяют старика. – Детство Александра и Семена Воронцовых. – “Роман – большой карман”. – Письма к детям. – Жизнь при дворе Елизаветы. – Образование Воронцовых. – Chevaux legers. – Путешествия. – Мечты о военной службе Семена Воронцова. – Назначение в Вену. – Путешествие по Европе. – Смерть канцлера Воронцова. – Платонический роман родственников

28 июня 1762 года в Петербург “явилась Фелица” – воцарилась Екатерина II. Волны ликующего народа заливали Казанскую площадь. Императрица, сияющая и радостная, гарцевала на коне среди приветствовавших ее гвардейских полков, а рядом с нею была и молоденькая годами, но в энергии и смелости не уступавшая любому взрослому мужчине княгиня Дашкова; старые придворные звезды тускнели и закатывались, новые появлялись на горизонте...

Как же вел себя Михаил Илларионович Воронцов в это время? Нужно сознаться, что его положение было очень щекотливо и что его действия в настоящем случае доказывают как присутствие известной нравственной силы, так и порядочности, весьма редкой в придворных того времени. Современники, – не говоря уже о родственниках канцлера, – единогласно свидетельствуют о благородстве его поведения...

Вероятно, благородные действия Михаила Илларионовича, а также и отношение его к “малому двору” при жизни Елизаветы не лишили канцлера уважения Екатерины, которая, как известно, в первое время царствования способна была проявлять искреннее внимание к благородным людям и поступкам. Канцлер притом и по отношению к новой государыне ознаменовал себя делом, за которое она должна была чувствовать благодарность к нему...

Впрочем, сначала даже к дому канцлера был приставлен офицер для охраны сановника будто бы от народных волнений, но этот благовидный домашний арест был отменен, и Михаил Илларионович вскоре вступил в должность. Но все-таки с новым царствованием влияние канцлера на дела значительно упало, в чем он и сам вскоре вынужден был убедиться.

Вообще, день 28 июня много перепортил крови Воронцовым, чего не

скажешь о княгине Дашковой, которой он послужил ступенью к “президентству” в академии. “Толстушку” Елизавету Воронцову, бывшую камер-фрейлиною при дворе, сейчас же арестовали и выслали в деревню, за Москвою. Отца ее, графа Романа Илларионовича, необычайно возвысившегося и благодетельствованного в короткое царствование Петра III, сослали в Москву, лишив многих из пожалованных богатств. За то Роман Илларионович возненавидел дочь Екатерину и не хотел прощать ее за участие в смелом предприятии, так плохо отозвавшемся на отце.

Впрочем, мы должны сказать, что Екатерина II поступила совсем нежестокосердно даже с теми из Воронцовых, которые несомненно еще очень недавно относились к ней враждебно и которым было выгодно несчастье супруги Петра III. Весьма вероятно, что женщина, подобная императрице Анне, иначе бы расправилась со своими недругами. Но при Екатерине даже Елизавета Воронцова была скоро возвращена из деревни, а Роман Илларионович занимал довольно крупную должность наместника Владимирского, Пензенского и Тамбовского.

После кончины Петра III (в Ропше) Екатерина Великая окончательно взяла бразды правления в свои руки и держала их крепко в течение 35 лет. Начинаясь так называемый “славный”, “золотой” Екатерининский век, хотя и в нем, несомненно, были очень крупные изъяны. Звезда Елизаветинских вершителей судеб государства Шуваловых и Воронцовых закатилась, и прежде всего при новой повелительнице ярко заблистала звезда красавца Григория Орлова, быстро шагнувшего из “цальмейстеров” гвардейской артиллерии в князя...

Канцлеру Воронцову уже не было места при новом порядке вещей, и это он чувствовал: для иностранных дел у императрицы явился свой излюбленный человек – известный граф Панин, который и оттер старевшего и болевшего Воронцова. Впрочем, государыня не оставляла последнего своими милостями: вечно нуждавшийся Михаил Илларионович продал ей свой дом (нынешний пажеский корпус) за 217 тысяч рублей с правом, однако, жить там ему как канцлеру. Из этой довольно крупной суммы с Михаила Илларионовича вычли его многочисленные долги банку и таможням, и Воронцову, при его несомненном богатстве вечно бившемуся как рыба об лед, пришлось на руки гораздо меньшая сумма. Кроме того канцлеру уступили около 200 тысяч гульденов “субсидных” денег, следовавших с Голландской республики еще с 1748 года. Эти деньги частью получал для дяди племянник его Александр Романович, но республика, как бы оправдывая о себе репутацию Михаила Илларионовича, очень “скупо” выплачивала субсидию.

В 1763 году Михаилу Илларионовичу дан был отпуск на два года – для лечения и отдыха, хотя это являлось только благовидным предложением удалить его от дел, чтоб их окончательно вручить в “дирекцию” Панина. Старый канцлер поехал снова за границу. Он вернулся на родину несколькими месяцами раньше назначенного срока и желал снова вступить в управление делами, но уклончивый ответ императрицы и ее резолюция на доклад канцлера заставили последнего убедиться, что его песня спета. Тогда старик решил уступить место новым деятелям и в 1765 году вышел совсем в отставку. Видя, что его мнения далеко не так, как прежде, принимаются во внимание, он уже и сам не по-старому усердно занимался делами и проводил долгие месяцы в своем имении Кимрах, приволжском селе Тверской губернии.

Еще до выхода в отставку канцлер мог убедиться в потере своего влияния, наблюдая отношение государыни к графу Александру Романовичу, бывшему послом в Англии. В 1764 году молодой Воронцов был, так сказать, “понижен” и снова переведен из Англии на такое же место в Голландию, где служил и раньше. Поводом для этого неприятного всему семейству Воронцовых перемещения Александра Романовича послужило то обстоятельство, что последний сошелся с представителями оппозиции в парламенте и причинял затруднения английскому правительству. Александр Романович в письмах из Голландии часто жаловался дяде-канцлеру на скучное житье в этой республике и на отсутствие дела, причем он просил об “отозвании”. Его мольбам вняли уже гораздо позже (в 1768 году), переведя на службу при дворе.

Старый Воронцов сошел со сцены и был близок уже к могиле. Но на смену ему выступали племянники, графы Александр и Семен Романовичи Воронцовы. К детству и первым служебным шагам этих недюжинных людей прошлого века мы и обратимся теперь.

Раннее детство Александра и Семена Романовичей прошло при не совсем благоприятных условиях: они рано лишились матери, и на их детские годы выпало немного теплых материнских ласк, заставляющих с такою отрадою вспоминать эту золотую пору жизни. Отец, оставшись молодым вдовцом, вел веселую жизнь и мало обращал внимания на детей, добрая половина которых и не жила с ним: две старшие дочери, как фрейлины, находились с детства во дворце; будущая княгиня Дашкова, как мы уже знаем, жила у дяди-канцлера.

Кроме того, граф Роман Илларионович прижил с англичанкою Брокет много детей, известных впоследствии под именем дворян Ронцовых. К последним родители питали особенную нежность и тратили немало средств

на них, что, конечно, еще более неприятно было сиротам Воронцовым, рано лишившимся матери. Влияние отца на детей и с нравственной стороны не могло быть особенно благотворным: Роман Илларионович даже в тогдашнем обществе пользовался репутацией человека далеко не бескорыстного и был известен как “Роман – большой карман”. Впоследствии, когда он был наместником Владимирским, Екатерина II, зная про его мздоимства, прислала ему в день ангела длинный пустой кошелек. Этот двусмысленный знак монаршей милости, говорят, был одною из причин, ускоривших смерть сановника. Кроме этих черт отца интересующих нас деятелей, нужно еще упомянуть о его жесткости, суровости и взыскательности к детям, боявшимся его как огня. Указанием на эти свойства Романа Илларионовича может служить частью и то обстоятельство, что ему, при воцарении Елизаветы, был поручен надзор за препровождавшейся в Ригу опальной Брауншвейгской фамилией.

Из чрезвычайно интересных по своим бытовым подробностям писем Семена Романовича к отцу, помещенных в “Воронцовском архиве”, видно, какие отношения были у родителя к детям. Письма сына наполнены рабскими: “всеподданнейше Вам доношу”, “всенижайший раб Ваш” и др.

В письмах отца к Александру Романовичу постоянно встречаются упреки и угрозы за большие расходы, хотя, по всем данным, сын ничем особенным не провинился перед родителем в этом грехе. “Невоздержным житьем, – пишет отец сыну, учившемуся во Франции, – понудишь меня вскоре отозвать тебя, да и в отечестве фигуры не сделаешь”. Затем в другом письме: “Расточительная твоя поступка мне тягостна...” Далее следуют укоры за то, что сын неразборчиво пишет (хотя этот упрек до известной степени справедлив): “Хотя штиль хорош, да так написано, что никто прочесть не может!”

Часто Роман Илларионович в своих письмах к сыновьям напоминает, чтоб они не забывали писать фавориту Шувалову. Вообще письма отца к детям суровы, наставительны, придирчивы, хотя в некоторых попадаются советы, внушенные желанием, чтоб сыновья не ударили “лицом в грязь”.

Когда Роман Илларионович узнал, что его сын Александр собирается писать Вольтеру, с которым тот недавно познакомился, он пишет молодому Воронцову: “Рассуди, когда будешь писать Вольтеру: он постыдится отвечать такому человеку, который литеры писать не умеет”. Для полной характеристики графа Романа Воронцова мы должны добавить, что он нежнее всех относился к дочери Елизавете и что был человек необразованный; почему-то, между прочим, он чувствовал панический страх перед электрическою машиною – вероятно, это было после случая с

приятелем Ломоносова, профессором Рихманом, как известно, убитым электрической искрою.

Из набросанного выше портрета Романа Илларионовича видно, как невыгодно было обставлено детство будущих крупных государственных деятелей. И в этом случае немало принес им пользы дом дяди, где они встречали и ласку со стороны Михаила Илларионовича и его доброй жены Анны Карловны, и любовь к чтению книг и просвещению. Этот же дом, как мы уже знаем, служил для них практической школой знакомства с государственными делами.

Если мальчикам жилось угрюмо в родительском доме, зато весело было у дяди и при дворе Елизаветы, где непрерывною вереницей тянулись праздники, пиры и маскарады. В интересной автобиографической записке графа Александра Романовича Воронцова много говорится про патриархальное веселье, царившее часто во дворце Елизаветы. Эта действительно мягкосердечная государыня собирала у себя толпы детей близких ко дворцу лиц и сама веселилась с ними. Она позволяла им бывать во дворце и в приемные дни, вместе со взрослыми, а иногда, только специально для детей, давала обеды и балы в своих внутренних апартаментах. Такая близость с самого детства к большому свету выработала в братьях Воронцовых привычку свободно держаться в обществе, сообщив им благородные и изящные манеры.

Братья Воронцовы получили дома тогдашнее “французское” воспитание, то есть, кроме сносного знания языков, усвоили себе кое-что из математики, географии и истории.

Но они очень рано и прекрасно ознакомились с французским языком и, благодаря ему, с лучшими образцами богатой французской литературы. В них рано развилась склонность к чтению и любознательность. Может быть, эти свойства развились у братьев и под влиянием удачно взятых гувернеров. Во всяком случае учителями молодых графов были не французские лакеи и парикмахеры, часто попадавшие тогда к представителям русской знати в качестве учителей и воспитателей их молодых отпрысков. Ко всему этому нужно прибавить, что Александр Романович, великолепно усвоив французский язык, очень плохо писал по-русски, и брат Семен часто журил Александра за неправильную конструкцию речи в русских письмах.

Из всего этого видно, что братья Воронцовы не получили систематического образования. Но много ли было тогда на Руси лиц, получивших его? Для Воронцовых школой послужила сама жизнь, в которой они набрались и опыта, и знаний.

Граф Александр Романович родился 4 сентября 1741, Семен Романович – 2 июня 1744 года. Первый состоял с 14 лет прапорщиком Измайловского полка, но, как мы уже знаем, в 1758 году, семнадцати лет, был отправлен по желанию дяди Михаила Илларионовича и по воле императрицы, в Версаль, во Францию, в школу *chevaux legers*, где воспитывались дети знатнейших французских фамилий. Это поступление в школу совершилось в то время, когда, после долгой размолвки, Россия и Франция опять сблизилась и, как нам уже известно, французский посланник Лопиталь выхлопотал у Людовика XV разрешение на принятие в помянутое учебное заведение знатного русского юноши.

Семнадцатилетний мальчик, впервые попавший за границу и посетивший многие страны, был, конечно, удивлен тамошними порядками и благоустройством. Дядя дал ему массу рекомендательных писем ко всем русским посланникам, а также к знатнейшим иностранцам. Вдумчивые, умные письма юноши и тогда уже указывали, что из него выйдет прок. Проезжая через Нарву, путешественник побывал у задержанного там фельдмаршала Апраксина. Хотя этот последний и был обязан многим Бестужеву и считался его другом, но после опалы старика канцлера, по “свойственной многим придворным и светским людям привычке”, очень дурно отзывался об опальном министре.

В Мангейме Александр Романович увидел во время обеда, как собравшееся многочисленное общество ухаживало за пожилым скромно одетым человеком. Когда граф спросил об этой личности, то узнал, к своей великой радости и удивлению, что это был Вольтер. Привыкнув еще в России к почитанию знаменитого имени, окруженного ореолом славы, молодой Воронцов пожелал познакомиться с царем остроумия. Это знакомство завязалось, и они впоследствии долго переписывались друг с другом.

Благодаря письмам и тому, что мальчик-граф был племянником могущественного русского вельможи, – а тогда Россия после недавних побед над Фридрихом пользовалась большим престижем, – Александр Романович везде встречал радушный и богатый прием. Он виделся с десятками министров, был представлен многим коронованным особам и узнал немало фавориток, в том числе и знаменитую m-me Помпадур.

Учился граф недолго – полтора года, а затем поехал в продолжительное путешествие по всей Европе, был даже в “Гишпании” и Португалии. В 1761 году этот юноша, вероятно – по понятиям своих родных – набравшийся политической опытности в поездках, был определен, при помощи всесильного дяди, поверенным в делах при

Венском дворе, а затем, после Англии и Голландии, как мы знаем, в 1768 году снова вернулся в Россию. Во время своего посланничества в Англии граф Александр Романович, узнав об опале сестры Елизаветы, хотел выписать ее в Англию, но осторожный и благоразумный дядя-канцлер в интересах племянника запретил эту поездку племяннице.

Судьба младшего брата Семена была иная: принятый девятилетним мальчиком в число пажей при дворе императрицы Елизаветы, он через несколько лет состоял уже ее камер-пажом. В то время как судьба судила его брату Александру изъездить юношею пол-Европы, Семен Романович почти в те же годы совершил продолжительную поездку по России, видел много губерний, заезжал на уральские заводы своего отца, а также и дяди-канцлера. Эта продолжительная поездка могла достаточно ознакомить впечатлительного, даровитого юношу с бытовыми условиями русской жизни. Долго спустя затем, живя в Англии и сравнивая порядки этой высококультурной страны с тогдашними условиями жизни дома, он, вероятно, вспоминал с тяжелым чувством о своей неустроенной и печальной родине. Отголоском тогдашних порядков на Руси могло бы служить письмо Семена Романовича к отцу, во время путешествия, из Тулы. В этом городе был воеводою Строев. “Он, – пишет сын отцу, – великое нашей фамилии бесславление наносит, ибо говорит, что наш ближайший родич грабил и разорял, но на него не жаловались, боялись, что вы и дядя Михаил Илларионович заступитесь...” По дороге мальчик заезжал ко многим родственникам и знакомым Воронцовых. Интересно его письмо о знакомстве с доктором графа Кирилла Разумовского. “Оным я чрезмерно одолжен, – пишет мальчик, – он так меня любил, что самые лучшие и нравоучительные книги мне уступил, между которых одна есть, которая во многих государствах запрещена... Титул ее: “Esprit des Lois^[5] (Монтескье)”.

По возвращении из поездки Семена Воронцова его должны были из камер-пажей выпустить в офицеры гвардии. Пылкого молодого человека, с интересом следившего за борьбою покрывших себя славою русских войск с Фридрихом Великим, давно уже тянуло на военное поприще. И милость только что воцарившегося Петра Федоровича, пожаловавшего молодому Семену Воронцову придворное звание камер-юнкера, была последнему не совсем приятна. Он добился назначения поручиком в Преображенский полк. Император благоволил к юноше и, по горячей просьбе Воронцова, согласился послать его к знаменитому герою позднейших войн с Турциею графу Румянцеву, назначенному главнокомандующим в задуманную Петром III войну против Дании за обиды родной Голштинии,

привязанность к которой никогда не оставляла государя. Воронцов собрался в Ораниенбаум к императору за окончательными инструкциями утром 28 июня 1762 года, когда вдруг узнал о происходящих в городе событиях. В последних принимал участие и пылкий 18-летний Воронцов, один из немногих офицеров Преображенского полка, пожелавший остаться верным Петру III, но его отвага не задержала рокового хода событий. После 11 дней ареста, за время которого молодому человеку пришлось пережить немало грубых сцен, Порошин, известный автор записок и бывший флигель-адъютант уже покойного императора, объявил арестанту, что государыня возвращает ему шпагу, приказывает отправляться домой и продолжать службу. Из этого факта мы видим, с какой мягкостью обошлись даже с Семеном Воронцовым, пытавшимся с оружием в руках противодействовать совершившемуся событию.

Порывистый и впечатлительный, Семен Воронцов не примирился сразу с наступившим порядком вещей, неохотно служил и даже думал вовсе бросить службу. Но у него была довольно сильная рука в лице еще не сошедшего с политической арены дяди-канцлера, который выхлопотал разрешение отправить молодого племянника в Вену, советником посольства к князю Голицыну. Семен Романович поспешил уехать из Петербурга, где, может быть, не совсем хорошо себя чувствовал перед государыней из-за прецедента в его недавнем поведении. Однако, пожив в Вене и сделав большое путешествие по Европе с канцлером, племянник вместе с дядею вернулся в 1765 году в Петербург.

Но мечтам молодого Воронцова о военной службе, о лаврах под русскими знаменами пока не суждено было осуществиться. Гордый еще недавним величием своей фамилии, Семен Романович не мог снести оказанной ему служебной несправедливости и вышел в отставку, уехав с дядею в Москву и потом в имение канцлера.

Графу Семену Воронцову пришлось быть свидетелем кончины дяди, которого племянник искренно любил и уважал. “Он смотрел на нас с братом, – говорит младший Воронцов в своих воспоминаниях про дядю, – как на сыновей, и мне суждено было горе – быть свидетелем кончины этого дяди, человека самой возвышенной души между современниками”.

Скромный канцлер, видевший в продолжение своей жизни много трагических и крупных событий, тихо почил 15 февраля 1767 года в Москве, где и похоронен в церкви Воздвиженья креста. Над его могилою поставлен мраморный памятник, и теперь только скромная надпись говорит, что под ним покоится человек, когда-то ворочавший государством.

Было еще одно обстоятельство, связывавшее племянника с дядею

особенно нежными узами: последний был отцом женщины, к которой Семен Романович питал глубокую сердечную привязанность. Но этот роман так и остался платоническим: он не мог закончиться браком уже в силу одного того обстоятельства, что влюбленных связывали слишком близкие родственные узы.

Анна Михайловна, единственная дочь канцлера, бывшая, как уже говорено выше, несчастливою в своем замужестве за Строгановым, скоро последовала за отцом: она скончалась бездетною в 1769 году, и нежно любившему ее Семену Романовичу пришлось плакать о кузине на турецкой войне, накануне знаменитых военных подвигов, прославивших знаменитого Румянцева-Задунайского и выдвинувших молодого Воронцова как одного из храбрейших сподвижников героя Ларги и Кагула.

Глава IV. Примерные братья

Различные характеры братьев Воронцовых. – Их дружба. – Заботливость старшего о младшем. – Политический катехизис братьев. – Взгляды на внутреннее управление. – Ненависть к временщикам. – Теория и практика. – Эпитафия Лафермьеру. – Семен Воронову Румянцева. – Неудобства военной службы. – Заботы о дисциплине. – Любовь к Семену Воронцову солдат. – Отставка и начало дипломатической службы. – Назначение послом в Англию. – Выдержки из дневника Храповицкого о старшем Воронцове. – Отношение к Радищеву. – Привычки и независимость старшего Воронцова. – Знакомство с Россиею. – Самая образованная чета среди знати. – Недолюбливание Франции. – Сцена с графом д’Артуа. – Расставанье старшего Воронцова с Екатериною II. – Умные слова государыни

Братья Воронцовы, детство и первые шаги которых на общественном поприще мы описали в предыдущей главе, совершенно не походили друг на друга характерами. Старший – граф Александр Романович – был тяжеловат на подъем, отменно трудолюбив, строго деловит, осторожен в действиях и отзывах. Характер у него был не мягкий, “кремневый”. Многие данные свидетельствуют о нем как о строгом хозяине своих крепостных, в чем не был безгрешен и знаменитый Радищев, близкий сосед графа и приятель, описавший с негодованием в своей сенсационной книге все ужасы тогдашнего положения “рабов”. Осторожность в поступках и выражениях, редко изменявшая графу Александру Романовичу, была приобретена им от долгой жизни в России, в тогдашнем Петербурге, центре интриг и подкопов друг под друга. Эти свойства поневоле в нем выработались. Между тем Семен Романович, обладавший пылким, подвижным темпераментом, живя вдали от родины, в Англии, при совершенно иных общественных порядках, не имел особенных поводов к сдержанности в мыслях и поступках. Может быть, если бы он в зрелом возрасте пожил в России подольше, то и в нем выработалось бы это свойство – разговоров и действий “с оглядкой”, но, как сказано выше, он большую часть жизни провел вне родины. Насколько старший брат был осторожен и медлителен, настолько младший пылок и стремителен. Первый был почти неприветлив, второй отличался “обаятельным добродушием” и гостеприимством, приобретшими ему массу друзей и на родине, и за границей. Семен Романович имел несомненно мягкое, чувствительное сердце, и после смерти горячо

любимой молодой жены (урожденной Сенявиной), вышедшей за него замуж в 1781 году и оставившей малолетних сына и дочь, он обратил весь запас чувства на последних; из них сын, благодаря заботам отца, стал впоследствии знаменитым государственным деятелем. Граф Александр Воронцов прожил всю жизнь холостяком, но и он, конечно, чувствовал в глубине сердца потребность дружбы и искренних, горячих привязанностей, – и эти желания, без которых жизнь была бы так холодна и печальна, нашли выражение в его дружбе к брату, походившей на самую нежную материнскую любовь, несмотря на несходство характеров обоих Воронцовых. И эти чрезвычайно симпатичные отношения братьев покажутся еще более замечательными, если мы вспомним, что они имели место в такое время, когда потребность богатства и почестей заглушала все другие лучшие чувства и часто разделяла семьи на враждующие лагеря.

В громадной переписке, наполняющей собою страницы “Воронцовского архива”, мы находим массу доказательств этой трогательной привязанности друзей-братьев, разделенных большим расстоянием. В каждом почти письме старшего брата к младшему встречаются советы, исходящие от самого сердца, и заботы о судьбе друга, часто позволявшего в своих посланиях неосторожные выражения, что, при тогдашней “перлюстрации” писем, было далеко не безопасно. И действительно Семен Романович, принимая близко к сердцу судьбу родины, в которой тогда хозяйничали временщики, позволял себе резко осуждать их действия и, что еще более пугало брата, давал советы государям – Екатерине II и даже Павлу I, который, как известно, не выносил ничего подобного. Из переписки братьев видно, как старший тревожился за младшего в этих случаях и как он, вместе с другом Семена Романовича, графом П. В. Завадовским, умолял “Сенюшу” поумерить его пылкость в письмах. “В твоём отделении, – пишет, например, Семену Воронцову Завадовский, – как можешь попадать в расположение настоящих вещей?” “Брат твой моет тебе голову за необдуманную пылкость. Сенюша, ты давно выехал из России и не воображаешь вещей и в мыслях перемены”...

Александр Романович, великолепно ведя свои собственные денежные дела, управлял имениями брата на родине и часто предлагал ему свои деньги для поправления расстроенных обстоятельств, но от этой помощи бескорыстный Семен всегда отказывался. Александр Романович был вообще верным стражем, советником и помощником своего младшего брата, являясь далеко более последнего опытным в делах и несомненно более знавшим людей.

Политический катехизис братьев был один и тот же: во внешних делах – союз с Англией, как самостоятельную морскую державою, за что эти Воронцовы прослыли “англоманами”, и ненависть к Пруссии. Следует отметить и то обстоятельство, что братья являлись противниками раздела Польши. Это государство должно было, по их понятиям, служить барьером между тремя сильными соседями, между тем как раздел Польши сблизил их границы и породил возможность частых столкновений. Обоих братьев одинаково возмущало то обстоятельство, что на русской дипломатической службе было много иностранцев; этим иноземцам поручалась защита крупных интересов страны, ни нравов, ни сил, ни истинных интересов которой они не знали и смотрели на свою службу как на средство к наживе. Семен Романович часто сетовал на это в своих письмах и предлагал даже устроить на родине школу, где бы могли получать подготовительное “дипломатическое” образование молодые люди из русских. Такой взгляд на иностранцев не мешал, однако, Воронцовым привлекать на службу своей родине тех из них, которые отличались честностью и талантами.

В делах “внутренних” братья стояли за идеалы Петра I о коллегиальном управлении, при котором совместно обсуждаются все вопросы и не может подтверждаться единоличный доклад только одного лица, когда другие ведомства тоже могли бы что-нибудь сказать “за” или “против”. Эта мысль прочно держалась у Воронцовых, может быть от слишком свежих примеров “единоличного” влияния временщиков, нередко дорого обходившегося родине. В ненависти к “случайным” людям сходились и суровый Александр, и мягкий Семен. Потемкина они звали не иначе, как “язвою” России, и даже граф Александр Романович не скрывал своих чувств к этому властелину, с феерическим великолепием бросавшему казенные миллионы на свои личные прихоти и перед которым все трепетало и раболепствовало. О таком отношении старшего Воронцова к “князю Тавриды” нередко свидетельствует в своих записках известный Гарновский, считавший Александра Романовича в числе самых лютых ненавистников своего патрона Потемкина. “Никто столько нас не злословит, – говорит Гарновский, – как граф Александр Романович”. Тот же Гарновский сообщает, что граф в совете постоянно опровергал представления Потемкина, когда все другие члены безмолвствовали. Когда же, однако, многие дела все-таки решались в угоду временщику, то “осторожный” Александр Романович гневно вскрикивал: “Я не понимаю, зачем нас посадили в Совет: что мы – чучелы или пешки, что ли?” Эти гневные реплики Воронцова, молча и “брады в землю уставя”, выслушивали остальные члены совета. Когда в столицу доходили вести о

победах Потемкина в турецкую войну, таскавшего “каштаны из огня” при помощи своих знаменитых полководцев Репнина и Суворова, и об отношениях князя Таврического к Румянцеву-Задунайскому, Воронцов, по показаниям того же Гарновского, говорил: “Когда бы я был на месте Румянцева, то дал бы себя знать Потемкину!”

Читатель, конечно, согласится, что для подобных действий Александра Романовича необходимо было известное гражданское мужество. Во всяком случае граф Воронцов был из “крепких” душою людей, “душесильный”, – по выражению его приятеля Радищева. Конечно, Потемкин платил своему недругу тою же монетою, и это сказалось в вопросе о наследовании имений после умершего канцлера Воронцова: “князь Тавриды” оттягал некоторые из них в пользу графа Скавронского, помолвленного с племянницею временщика.

Императрица хотя и признавала большие способности и государственный ум своего неподатливого и методичного сановника Александра Романовича, но, убежденная в его затаенной неприязни к себе, – в чем, как женщина чуткая, не ошибалась, – не любила графа.

Мы уже во вступлении к очерку говорили об отношении братьев к вопросу об освобождении крестьян и знаем, что в этом деле они не могли высоко подняться над господствовавшими тогда взглядами в обществе на означенный предмет. На такую высоту подъема духа, опережающую общественное мнение на целые века, способны только чрезвычайно редкие люди: или гении, или деятели, просвещенные светом нравственной истины и не знающие ни различия каст, ни наций; но такие люди рождаются только раз в столетие. В теории могли признаваться хорошими и в Екатерининское время многие вещи, но когда дело доходило до практики, то и знаменитый президент Российской Академии, и ее братья, и сам Радищев, как мы уже говорили, поступали совсем не “по теории”. И всего интереснее в этом вопросе поведение самой Екатерины Великой, начавшей со знаменитого “Наказа”, переписывавшейся с самыми громкими именами Франции и Европы – Вольтером, Дидро, Д’Аламбером, – об освобождении своих “рабов”, и кончившей прозаически: раздачею целых сотен тысяч людей в дар своим приближенным...

Из всего нами сказанного видно, однако, что братья Воронцовы, по складу своих понятий и стойкости убеждений, не совсем подходили к тогдашнему придворному кругу. Чем же объяснить, что они все-таки стояли на высоких местах и имели свою партию даже среди сановников и знатных лиц, толпившихся у трона? Прежде всего, братья были несомненно талантливыми и высокообразованными людьми, – а такие считались тогда

только единицами, – чего, конечно, не могла не понимать умная государыня, хвалившаяся знанием людей, уважением к образованности и заботившаяся о “славе” своего царствования, которому должны были придавать блеск люди просвещенные. С другой стороны, тогда уже возникали более оживленные сношения России с Европою: у нас читали Вольтера и французских энциклопедистов, что не могло не влиять на возникновение людей протестующего образа мыслей, может быть, притом еще обойденных в попытках создать “фортуны”, – и такие люди не могли не ценить стойких и просвещенных братьев Воронцовых. По крайней мере уже при дворе Екатерины II мы встречаем их горячих почитателей: прославившегося впоследствии московского главнокомандующего Ростопчина, Завадовского и других. Кроме того, Безбородко был тоже приятелем братьев, дорожа государственным знанием и опытностью старшего, бывшего несомненно политическим вдохновителем и влиятельным советником знаменитого канцлера-хохла. Приведем здесь пример “стойкости” графа Александра Романовича, а также и того, как он смотрел на жизнь при тогдашнем дворе. Воронцов, удалившийся от дел перед воцарением Павла I, не побоялся дать у себя пожизненный приют другу своему, швейцарцу Лафермьеру, секретарю и библиотекарю государыни Марии Феодоровны, уволенному от занятий императором. И вот красноречивая надпись на могильном памятнике этого друга Воронцовых, поставленном в селе Андреевском Александром Романовичем: “Другу искреннему, испытанному и благородному, при царском дворе *непорочно* пожившему”. В этих простых, душевных словах скрывается, однако, тонкий намек насчет того, что “*непорочность*” являлась в то время довольно редкою и высокою добродетелью.

В предыдущей главе мы оставили графа Александра Романовича в Голландии. В то время, как он там томился скукою от бездеятельности, пылкий брат его поступил в армию Румянцева-Задунайского, командовавшего войсками в войну 1768 года с турками. Граф Румянцев питал особенное уважение к памяти Петра I, и верность к внуку Преобразователя, выказанная молодым Воронцовым, расположила к последнему героя Кагула: Семен Романович сделался близким к нему человеком и деятельнейшим участником его славы, прогремевшей в то время на всю Европу. В особенности молодой Воронцов отличился при Кагуле, где, командуя своим гренадерским батальоном, ворвался первым в одно из самых сильных турецких укреплений, взял его с боя и захватил при этом четыре пушки, за что и был награжден Георгиевским крестом. Мы не будем подробно рассказывать о его других подвигах в эту войну и о том,

как благодаря отсутствию в нем угодливости его часто обижали невниманием к оказанным заслугам. Скажем только, что, научившись за время своих путешествий, а может быть и дома, итальянскому языку, он принимал вместе с Завадовским участие в редактировании мирного трактата в Кучук-Кайнарджи на этом языке, так как он в ту пору употреблялся Портою в ее дипломатических сношениях.

Условия военной службы сложились во многих отношениях неблагоприятно для графа Семена Романовича. Хуже всего было то, что он, гордый своим прошлым и действительно имевший право на эту благородную гордость по свойствам своей недюжинной души, попал под начальство к родственнику временщика Павлу Потемкину, опередившему графа не благодаря подвигам и достоинствам, а лишь по протекции начинавшего входить в силу князя. Помимо этого несколько лет трудной боевой жизни сильно отразились на его здоровье; жить на театре войны ему приходилось очень скромно, потому что отец – Роман Илларионович – был “кряжем” и скупцом по части расходования денег, хотя не отказывался получать доходы и непозволительными путями. Сын был не таков: нуждаясь, он не позволял выручать себя предосудительными средствами на счет продовольствия и обмундирования своего полка. Сохранилось немало его писем к отцу о стесненных денежных делах. Но любовь к чтению сказывалась даже при неудобствах лагерной жизни: Семен Романович постоянно просил о присылке ему книг.

Ко всем перечисленным неудобствам военной службы прибавилось и еще одно обстоятельство: Семен Романович в стремлении водворить дисциплину в своей части как необходимое условие для успешности военных действий постоянно встречал сопротивление со стороны подчиненных офицеров. Эти господа, большею частью представители достаточных дворянских фамилий, не могли переносить трудностей походов и войны. Они привыкли парадировать на смотрах в раззолоченных мундирах, вести праздную и невоздержанную жизнь и не считали возможным обходиться без помощи многочисленной челяди. На войне приходилось бросать эти привычки. Понятно, что стремления Семена Романовича, всегда лично безупречно исполнявшего свои обязанности, водворить у себя порядок, встречали отпор со стороны баричей-офицеров. Из-за этого, между прочим, в Яссах в 1772 году он дрался на дуэли с графом Стакельбергом, тяжело ранил его, причем сам отделался царапиною. Это обстоятельство должно было еще подлить горечи в его чашу, так как на сестре Стакельберга был женат один из Орловых, пользовавшихся еще весьма значительным влиянием при дворе.

Но поддерживая дисциплину, которою действительно отличался его полк, граф Воронцов в то же время тратил свои собственные деньги на улучшение солдатского быта и помогал бедным офицерам, служившим под его начальством. “Мы все молили Бога за него, – говорил впоследствии Ростопчину один из сержантов полка Воронцова, – он нам был отец, а не командир!”

Нужно тоже заметить, что немногие могли так хорошо относиться к своим слугам, как граф Семен Романович. Эта трогательная и в высокой степени симпатичная черта видна во всех поступках Воронцова. Еще молодым человеком отказался он исполнить приказание строгого отца о наказании своего провинившегося служителя. Затем мы видим, с какою заботою и вниманием отправлял он на родину из Англии кормилицу, выкормившую его сына Михаила. Семен Романович во многих письмах просил брата Александра о помощи своим старым слугам, жившим на родине. Даже самая смерть его запечатлена этою симпатичною чертою: почти 90-летним стариком, не желая беспокоить прислугу, он сам со свечою отправился ночью в другой ярус дома, в библиотеку, оступился и упал, что и ускорило его кончину.

Все вышеуказанные обстоятельства, а в особенности неприятность службы под начальством ненавистного Павла Потемкина, заставили молодого Воронцова бросить военное поприще, на котором он уже успел выказать несомненные дарования. Но судьба вскоре бросила его на другую арену – дипломатическую, где он тоже оказался не бесполезным.

После путешествия по Италии для поправления здоровья Семен Романович женился, как мы уже говорили, на дочери Сенявина. Решившись бросить службу при Екатерине, когда его заслуги несправедливо забывались и где он многих близких государыне людей не любил, Семен Романович внезапно, однако, был снова призван на служебное поприще. Ему было государынею предложено новоучрежденное место полномочного министра при Венецианской республике, которым он, после долгих колебаний, и воспользовался. Это назначение устроили для приятеля графы Завадовский и Безбородко, из которых последний, как мы уже знаем, сам нуждался в помощи графа Александра Романовича.

Но дел в “светлейшей” Венеции было совсем мало, и наш посол, привыкший к деятельности и движению, томился скукою в этом городе. Кроме того, при скупости Романа Илларионовича, не уделявшего сыновьям даже материнского состояния, на которое они имели право, и при скудости содержания Венецианского посланника, между тем как это звание обязывало вести “открытую” жизнь, – Семен Романович нередко

чувствовал себя стесненным. Вообще в денежном отношении его положение, при жизни отца, напоминало затруднения покойного дяди-канцлера. Сохранилось в родовом “архиве” много любопытных писем посланника к отцу. Между прочим, он просил Романа Илларионовича прислать в Венецию серебряный сервиз или денег на его покупку, так как “стыдно посланнику угощать гостей на фаянсовом”. Впрочем, денежные затруднения Семена Романовича вскоре прошли, так как Роман Илларионович, будучи наместником во Владимире на Клязьме, вскоре после присылки ему длинного кошелька Екатериною II умер (в 1783 году), оставив детям большое состояние. Скажем кстати здесь, что Роману Илларионовичу не пришлось увидеть своего внука – будущего знаменитого фельдмаршала, прославившего Воронцовское имя.

Живя в Италии и имея мало занятий по посольству, Семен Романович все-таки не бездействовал в этой стране, бывшей колыбелью наук и искусств и представлявшей настоящий музей бесценных художественных сокровищ. Там, на античных образцах, Семен Романович приобрел художественный вкус, признававшийся за ним современниками, которые нередко обращались к Воронцову как знатоку в вопросах “изящного”.

Но безделье в Венеции в сфере дипломатической томило предприимчивого и подвижного Воронцова. Он умолял своих друзей и брата выручить его оттуда. Вскоре ему было предложено на выбор одно из посланнических мест – Париж и Лондон. Он выбрал последний город и отправился в Англию, ставшую ему впоследствии второю родиною. На этот выбор повлияло то обстоятельство, что граф Александр Романович, в бытность свою в Лондоне, оставил там видные знакомства и связи, которые, конечно, могли пригодиться и младшему брату. Но тут могла быть и другая причина – политические убеждения младшего Воронцова, считавшего союз с Англией и вообще поддерживание добрых отношений с нею необходимым для России. Но еще до поездки в Англию Воронцова постигла тяжкая утрата: смерть жены, оставившей на руках графа двух малюток, на которых потом и сосредоточились заботы отца. Только в 1785 году прибыл он в Лондон.

Между тем как Семен Романович, после бурного житейского плавания, нашел на долгое время прочную пристань в Англии, где он пробыл десятки лет и умер, Александр Романович принужден был “лабиринтировать” по усеянному мелями и подводными камнями придворному поприщу. Правда, он достиг почестей, отличий, высокого звания президента коммерц-коллегии (министра торговли), но отношения его к государыне оставались холодными и натянутыми. Из дневника Храповицкого видно, как

относилась к этому “медведю” императрица. У Храповицкого, бывшего, так сказать, фотографом поступков и слов Екатерины, сохранились следующие ее замечания: “Граф Александр Романович Воронцов распространяет дальние виды для своих прибытков”. Когда Храповицкий читал доклад о взятках при рекрутском наборе во Владимире во время наместничества “Романа – Большого кармана”, государыня заметила о графе Александре: “И этот таков же!” Но здесь государыня несомненно была не права. В этом замечании ее скорее усматривается недовольство неугодливым, “не расшибавшим лба” на ее посылках подданным, чем искренняя уверенность в его издоимстве.

Во всяком случае, в ряду других заслуг Александра Романовича история должна отметить его поведение в деле Радищева, пострадавшего за свою знаменитую книгу, нежданно, как гром, свалившуюся на русское общество. Кажется, и сам Александр Романович был причастен к изданию “Путешествия из Петербурга в Москву”, ставшего теперь библиографической редкостью. Поведение его в деле Радищева заслуживает искренней похвалы. Он не испугался, что опала его приятеля может отразиться и на нем, и деятельно вступился за изгнанника. Он способствовал снятию оков с Радищева, писал губернаторам попутных губерний об оказании всяких льгот и милостей арестанту, снабдил последнего теплым платьем и порядочными деньгами, а также много переписывался с ним в то время, когда тот был в ссылке. При Александре I Воронцов выхлопотал пособия семейству Радищева и поместил детей его на казенный счет в учебные заведения. Расчетливый и не бросавший денег на ветер, граф Воронцов не жалел их там, где это было необходимо для хорошего дела. Так, он выкупил из тюрьмы сидевшего за долги Голикова, известного потом автора “Деяний Петра Великого”, которыми зачитывался в Лондоне Семен Романович.

Мы уже говорили, как нуждался Безбородко в услугах своего приятеля Воронцова. Вообще, вся деятельность последнего отличалась определенностью и ясностью целей, к которым он стремился, между тем как другие шли туда, куда “дует ветер”. Остальные прислушивались к слову любимца, между тем как Воронцов противоречил самой государыне. И эту самостоятельность поступков и отсутствие угодливости к фаворитам граф сохранил до конца благодаря своему характеру и образу жизни. В своей автобиографической записке он говорит, что все, вводящее в соблазн большинство людей: почести, богатство, отличие или карьера родственников, – имело в его глазах мало привлекательности и никогда не повлияло ни на один его поступок. Хотя такое абсолютное уверение и

нужно принимать с некоторою осторожностью, но во всяком случае образ жизни графа не заставлял его прибегать к унижительным средствам для добывания “благ земных”: он не любил ни роскоши, ни легкомысленных издержек и таким образом не особенно нуждался, владея и так большими капиталами, в попрошайничестве “презренного металла”. И в этом отношении он далеко выделялся из окружавшей его толпы, готовой, под прикрытием громких фраз о любви к родине, продать эту “горячо любимую” родину за деньги любому покупателю. И мы можем вполне согласиться с утверждением записок графа Александра Романовича, что все доставшееся ему в удел получилось им за его таланты, благодаря силе обстоятельств, а может быть иногда и “справедливости государей, которым он служил”.

Граф с большим талантом участвовал в составлении таможенного тарифа, заключал торговые договоры с иностранными государствами и способствовал возникновению и оживлению нашей промышленности и торговли. Он, между прочим, обратил внимание на каменный уголь, зная хорошо это драгоценное ископаемое еще в Англии. В одной из своих записок он хвалит Елизавету за уничтожение внутренних таможен и “застав”. Вообще, Александр Романович был противником больших налогов и обременения платежами бедных классов населения.

Графу пришлось познакомиться с Россией очень поздно, в зрелом уже возрасте: он был послан для ревизии в Москву и в большинство центральных губерний (1787 год). Но, кроме того, он подолгу жила в своем имении Андреевском, близко видел мужицкое житье и мог считаться знатоком в вопросах внутреннего устройства родины.

Мы уже знаем про плохие отношения Александра Романовича к княгине Дашковой после 28 июня 1762 года. Он осуждал ее за предосудительные поступки по отношению к опальной сестре Елизавете. Но потом граф примирился с княгиней, и их переписка продолжалась до смерти Александра Романовича. Конечно, граф как человек умный видел недюжинную силу в своей сестре, женщине образованной и даже ученой: таких женщин тогда совсем не было в государстве. Брат и сестра справедливо пользовались репутацией самых образованных людей среди тогдашней знати. Граф всегда интересовался передовыми людьми Европы, переписывался с Вольтером, Д’Аламбером и другими, причем, вероятно, Воронцову, как и другим, пришлось окупать эту переписку соответственными подношениями “фернейскому” отшельнику, так как последний не любил даром тратить время на корреспонденцию с “баловавшимися” литературою русскими вельможами. Вместо письма к

забывавшим ублажать любившего подарки “гения остроты” последний мог разразиться какою-нибудь убийственной эпиграммой.

Так шла жизнь братьев Воронцовых: один сражался за Россию с английскими дипломатами в Лондоне, другой жил в Петербурге, затаив глубокую неприязнь к царившим там порядкам. Старший брат был для младшего живою связью с оставленною последним родиною: писал ему, извещал о переменах при дворе и в России, предстательствовал за брата и за его проекты перед императрицею. Кроме дружбы к Англии, у обоих Воронцовых за описываемое время резко выделяется неприязнь к Франции, демагоги которой не на шутку переположили всех защитников старого режима. Хотя Воронцовы и стояли за “лучшее” правление, за коллегиальное решение государственных дел, но во всяком случае не сочувствовали забиравшему силу парламенту, а на лиц, подобных Марату, Робеспьеру и Дантону, смотрели с нескрываемым ужасом. Разумеется, в понятиях Воронцовых “лучшее” управление было синонимом командования “лучших” людей (в смысле их принадлежности к “высшему” сословию) остальною массою. Мысль о главенстве “народа” была еще тогда слишком молодою, и трудно было бы, конечно, рассчитывать встретить ее адептов среди людей, выросших в горделивых родовых традициях.

Но всего интереснее, что эту неприязнь к “жакобитам” Воронцовы перенесли на всю французскую нацию, нравам которой они, однако, подражали, а перед литературою – преклонялись. Семен Романович в одном из своих писем говорит: “Кто с французами ни связывался, – все теряли свою непорочность, славу и независимость. От них только разращения умножаются”. А Александр Романович в своей записке о Французской революции к Безбородко говорит: “Нужно бы сим неистовствам преграду сделать государям. Если сей образ правления и мнимого равенства хоть тень закоренелости во Франции примет – для других весьма пагубно”. В этой же записке “осторожный” Воронцов предлагал смотреть за приезжими французами. Конечно, граф пересаливал, предполагая, что эти “французики”, приезжавшие к нам за “ловлей счастья и чинов”, способны устроить революцию и в России...

Семен Романович, не любя “жакобитов”, вместе с тем негодовал на то, что – при скудости русских финансов – выдали принцам, эмигрировавшим из Франции, большие деньги. В ранних детских воспоминаниях Михаила Семеновича Воронцова осталась сцена, происшедшая у отца его с графом д'Артуа, приехавшим, по опрометчивому настоянию Зубова, в Англию. В полурастворенную дверь дети слышали, как Семен Романович сказал в

горячности принцу: “Когда в жилах течет кровь Генриха IV, то нечего попрошайничать, а нужно возвращать свои права со шпагою в руке!”

Отношения графа Александра Романовича к государыне и придворным партиям оставались по-прежнему холодными, и в 1794 году он вышел, по собственному желанию, в отставку, призванный снова на службу только при Александре I.

В замечательной автобиографической записке Александр Романович высказывает много благородных мыслей и, говоря в исполненных достоинства выражениях о своей службе, не бесполезной, по его мнению, родине, а также об испытанных неудачах, заканчивает следующими прекрасными словами: “Впрочем, я всегда был того мнения, что люди имеют соответственно их достоинствам внутреннюю цену, которой не в состоянии отнять у них никто”.

Но и государыня на этот раз была довольно справедлива к своему неугодливому министру. Приказывая Завадовскому заготовить указ об отставке его друга, она писала: “Не спорю, что он вам дорог и что таланты имеет. Всегда знала, а теперь наипаче ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя; права не имеют принудить быть усердным ко мне... Разведены и развязаны навек будем”... Затем следовало совсем не “дипломатическое”, но чисто русское ухарское выражение по адресу Воронцова: “Черт его побери!”

Александр Романович был избавлен от необходимости откланиваться после отставки государыне, причем последняя мотивировала это дозволение следующими умными словами: “За справедливость, коя требована с гордостью и отдана по убеждению, – поклон всякой неуместен!”

Так расстался Воронцов с императрицею, жизнь которой, исполненная бурных приключений, крупных, но неоконченных начинаний и давшая России так называемый “золотой Екатерининский век”, склонялась к неизбежному концу, от которого не избавлены – увы! – даже могучие венценосцы.

Глава V. Кары и милости

Царствование Павла I. – Деятельность Семена Воронцова в Англии. – Трудное положение России. – Блестящий эпизод из посланничества Воронцова. – Неугодливость Зубову. – Интимные черты переписки. – Смерть Екатерины II. – Ужасное положение Зубова. – Воцарение императора Павла I. – Отношения государя к Воронцовым. – Семен Воронцов в фаворе. – Рискованное слушание императора. – Характер царствования Павла I. – Опала Ростопчина. – Опасные предложения. – “Реприманд” Семену Воронцову. – Его внезапная отставка. – Конфискация и секвестр^[6] имений Воронцова. – Письмо священника Смирнова о смерти Павла I. – Молодой государь. – Подача мнений Воронцовыми. – Старший Воронцов – канцлер. – Брюзжащая старость и кипучая юность. – Прибытие Семена Воронцова в Россию. – Воронцов и Чарторижский. – Отставка и смерть канцлера Воронцова. – Утешение последних лет жизни Семена Воронцова

Приближалась эпоха – одна из самых угрюмых в русской истории: кратковременное царствование Павла I. Эпоха политических комбинаций и союзов, заключенных сегодня для того, чтоб быть разрушенными завтра; эпоха мальтийского гроссмейстерства и удивительного похода в Индию русских казаков, совершенно не знавших дороги в сокровищницу “коварного Альбиона”, власть которого в этой богатой стране предполагалось сокрушить смелым казацким набегом атамана Платова. Эта эпоха, конечно, должна была отразиться и на братьях Воронцовых, но, прежде чем рассказывать об этом, мы должны остановиться на жизни и деятельности графа Семена Романовича в Англии.

Обладая “обаятельным добродушием”, импонирующею внешностью и многосторонне образованный, граф скоро совершенно акклиматизировался даже в малогостеприимной Англии: он завел там многочисленные знакомства, близок был даже к знаменитому Питту-младшему (лорду Чатаму). Как известно, граф выдал свою единственную дочь за представителя родовитой английской аристократии – лорда Пэмброка. В письмах его на континент, относящихся к очень длинному промежутку времени, видно, как Семен Романович более и более знакомился с английскими порядками и как с этим более основательным знакомством все сильнее возбуждалось в нем уважение к строю, царствовавшему в этой

высококультурной стране. Но, глубоко уважая Англию, граф Семен Романович высоко держал знамя интересов своей родины и не раз оказывал ей услуги в то богатое всякими военными столкновениями время. Мы, конечно, не можем перечислить всех случаев, где проявил себя Семен Романович верным слугою своей далеко оставленной отчизны, но остановим внимание читателей на самом знаменитом эпизоде его посланнической деятельности.

Вскоре (в 1788 – 1791 годах) после начала дипломатической службы Воронцова в Англии для России наступили тяжелые времена: она воевала со Швецией и Турцией, – и в это же время ей грозила война на западе с Пруссией и Англией. Питт, для которого унижение Россиию Турцией было так же нежелательно, как и в недавнюю войну для нынешнего английского правительства, стал весной 1791 года вооружать огромные морские силы. Россия, истощенная недавнею пугачевщиною и тяжелою войною в Швеции и Турции, могла жестоко пострадать, если бы осуществилась еще новая страшная война на западе, – и большая честь Семену Романовичу, что он сумел оказать крупную помощь в устранении этого несчастья.

Англия вела значительную морскую торговлю с Россией, обеспеченную очень выгодным для первой страны трактатом, срок которого, однако, уже истекал. Очень любезно относясь к своим приятелям лордам и к английскому правительству и успокаивая их насчет нового заключения торгового договора, Семен Романович, однако, ввиду военных приготовлений Англии, посылал в Петербург энергические представления о том, что не следует спешить с заключением трактата, и в этом отношении Александр Романович, как президент коммерц-коллегии, и Безбородко были его деятельными пособниками, представляя Екатерине II убедительные доводы.

Однако в Англии дело стало не на шутку походить на объявление войны, и всемогущий даже в этой конституционной стране Питт готов уже был предпринять решительные действия против нашей родины; тогда Семен Романович принялся энергически за работу. Он сошелся с представителями оппозиции, в том числе и со знаменитым Фоксом, говорил им о несправедливых действиях министра против державы, которая ничего дурного не сделала Англии. Граф Воронцов напал на самую чувствительную струну англичан – их торговые интересы, которые могли значительно пострадать в случае войны. Он, наконец, распространил целые тучи воззваний к народу по этому поводу, и его энергическая деятельность увенчалась успехом. Питт, владевший сначала громадным большинством в парламенте, с беспокойством видел, что это большинство убывает и готово

в вопросе о войне с Россией изменить министру. Тогда последний, увидев в этом “гласе народа” “глас Божий”, послал догонять курьера, везшего уже депеши с объявлением войны России.

Так окончился этот блистательный эпизод в деятельности Семена Романовича, и к чести императрицы нужно сказать, что в эту пору она высоко ценила заслуги своего представителя: после заключения мира с Турцией в Яссах в 1791 году он был награжден.

Но, исполняя высокие государственные обязанности защитника интересов своего отечества, граф часто приходил в негодование от тех поручений, которые шли от фаворитов государыни. В особенности возмущал его Зубов. Этот зазнавшийся временщик, совершенно не зная ни нравов, ни строя “гордого” Альбиона, выдумывал многие нелепости и поручал исполнение их, под эгидою, конечно, императрицы, Семену Романовичу. Зубов, перед которым все преклонялось в России, в передней которого толпились власти и родовитые дворяне, считая за счастье, если их удостоит взглядом любимец “случая”, – воображал, что его имя будет достаточно импонировать англичанам и что они за него полезут “в огонь и в воду”. Зубов, между прочим, навязал Семену Романовичу миссию с графом д’Артуа, которому, по мнению временщика, англичане должны были помочь в его затруднительных обстоятельствах, между тем как эти англичане несомненно бы арестовали царственного эмигранта за его долги, если бы он сошел на английский берег. Но граф Воронцов предупредил этот скандал, и граф д’Артуа уехал “несолоно хлебавши”. Зубову передали, что неудачу принца нарочно подготовил Семен Романович и что эта миссия удалась бы, если бы посол захотел постараться. Так как и еще были случаи неисполнения желаний Зубова и так как всегда в этих случаях Воронцов считал себя правым, говорил с временщиком твердым тоном, то легко предположить, почему последний невзлюбил английского посланника. А это обстоятельство, – в связи с тем фактом, что Семен Романович позволял себе критиковать действия тогдашнего правительства, – достаточно объясняет холодность к нему Екатерины за последние годы ее царствования.

О том, что делалось на родине, Семен Романович узнавал точно, ведя громадную корреспонденцию во времена Екатерины и Павла I, от брата, Завадовского и Ростопчина. Эта корреспонденция имеет высокий исторический интерес и, конечно, со временем послужит богатым материалом для историков. В ней попадает масса бытовых черт, интересных характеристик и рассказов о грандиозных событиях того времени. Мелькают часто и чрезвычайно интимные черты, как, например, в

письме Завадовского, относящемся, впрочем, до более раннего времени. Это послание состоит всего из нескольких строчек, но весьма многозначительно. “Порадуйся, мой любезный граф, – писал 2 января 1776 года Семену Романовичу Завадовский, весь сияющий от выпавшего на его долю счастья, – что на меня проглянуло небо и что уже со вчерашнего дня – генерал-адъютантом ваш друг”... То есть, попросту говоря, на долю графа Завадовского с этого времени выпал “случай”, продолжавшийся, впрочем, недолго.

Настал 1796 год. Семен Романович, видевший ясно холодное отношение к себе в Петербурге, – так как некоторые сношения с представителями Англии велись уже помимо графа, что, очевидно, происходило под влиянием Зубова, – подумывал выйти в отставку и покинуть Лондон. Но в Зимнем дворце 6 ноября этого года произошла драма: старая государыня, блестящее царствование которой омрачилось неудачей сватовства внучки за юношу шведского короля, – неудачей, усилившею болезнь “северной Семирамиды”, – лежала без движения, пораженная апоплексическим ударом. Все усилия возратить ее к жизни были тщетны, и она скончалась. Около почившей толпились ее верные слуги, прожившие с нею десятки лет, ее возвышенные из ничтожества любимцы, с мрачными предчувствиями ожидавшие будущего. Толпа сановников и знати наполняла дворец. Всего ужаснее было положение Зубова: этот еще вчера всемогущий человек, в переднюю которого считали за счастье попасть люди, которые теперь сторонились от него, как от зачумленного, сидел бледный и растерянный. Он не мог добыть даже стакана воды от лакеев, и в этом случае помог ему уже Ростопчин, внезапно, с воцарением нового государя, выдвинувшийся на передний план и оставивший в высокой степени интересные записки о последнем дне Екатерины Великой... Все во дворце тяготились неведомыми, тяжелыми предчувствиями, в воздухе нависла гроза. Гатчинские друзья государя – Аракчеев, Кутайсов, Плещеев, Куракин – являлись на смену прежним деятелям.

На судьбе Воронцовых не замедлили отразиться новые события. Княгиня Дашкова, которой Павел I терпеть не мог за ее нрав, была выслана в село Горетово; положение Александра Романовича, приютившего уволенного Лаферьера, было сначала тоже незавидным, хотя оно скоро поправилось, благодаря тому, что Безбородко, приятель старшего Воронцова, возымел большое влияние на дела и, как известно, был осыпан неожиданно для многих милостями государя. Впрочем, все действия императора Павла I носили неожиданный и внезапный характер, и даже его

любимцы должны были хорошо помнить, что от Капитолия недалеко и до Тарпейской скалы. Но в отношении графа Семена Романовича на первое время дело обстояло благополучно.

Прежде всего государь знал о поведении младшего Воронцова во время воцарения Екатерины II, и уже этой одной причины было достаточно для того, чтоб наш английский посол не беспокоился за свою судьбу. Но кроме этого за него был предстателем горячий его почитатель Федор Васильевич Ростопчин, в первое время игравший очень влиятельную роль при государе.

Хотя при постоянных сношениях со своими друзьями и знакомыми при дворе Семен Романович и знал о неустойчивом характере склонного к крайним увлечениям своего повелителя, но в первое время он получил ясные указания благоволения государя. В начале царствования Павел I пожаловал Семена Романовича чином генерала от инфантерии с повышением в звание чрезвычайного и полномочного посла в Лондоне. “Знайте, – писал ему на другой день по смерти Екатерины II Ростопчин, – знайте, что вы сами и труды ваши угодны и нужны императору”. Впрочем, все вожделения посла за это время не заходили дальше скромного желания – остаться в Лондоне посланником. Он вовсе не желал ехать в Россию, так как знал, что, живя в Петербурге, должен был по званию “полного генерала” являться на ранние упражнения и тяжелые вахтпарады Павла I, на что посол при своем плохом здоровье не считал себя способным.

Тут, конечно, действовало и опасение характера государя, отношения с которым на расстоянии казались безопаснее. Спустя некоторое время по воцарении, настроение государя оказалось благоприятным даже по отношению к графу Александру Романовичу, которого приятели (Безбородко и другие) вызывали опять на службу, но “осторожный” Воронцов, вероятно, зная хорошо, с кем бы ему пришлось иметь дело, не выходил из своего подмосковного уединения, хотя это, кажется, в свою очередь упрочило против него предубеждение государя.

В коронацию Павла I (5 апреля 1797 года) Семену Романовичу была дана одна из самых высших наград – Андреевская лента и он возведен в графское достоинство Российской империи (до того Воронцовы считались графами Немецко-Римской империи). Кроме того послу подарены имения в Финляндии, а дочь получила звание фрейлины императрицы. Вскоре за тем и сын Семена Романовича, 16-летний Михаил, по просьбе отца был отчислен из списков гвардии и прямо, помимо звания камер-юнкера, пожалован в камергеры с оставлением при отце для занятий в посольстве.

Но среди этого потока милостей встретилось одно обстоятельство,

которое сразу могло иметь опасные последствия для графа. Это обстоятельство рисует нам самостоятельность Семена Романовича, не побоявшегося, в интересах дела, послушаться приказания даже императора Павла, с характером которого посол уже достаточно ознакомился.

В английских портах стояла русская эскадра адмирала Макарова, назначенная для совместных действий с английским флотом против французов; император приказал ей через посла возвратиться домой. В это время в английском флоте вспыхнул опасный бунт, матросы овладели большинством кораблей, и берега Англии оставались беззащитными против голландцев и французов. Посол, по отчаянной просьбе лорда Гренвиля, решился на свой страх оставить эскадру почти на три недели более чем было приказано государем. Это спасло Англию от покушений голландского флота. За этот поступок посла, решившегося послушаться государя, не терпевшего ни малейшего сопротивления своей воле, трепетали друзья Семена Романовича. Но гроза миновала благополучно.

Между тем характер государя начинал все более и более выясняться. Даже Ростопчин попал в немилость, и это только за то, что не успел в несколько минут прибыть во дворец по приглашению государя. Поэтому не удивительно, что Семена Романовича несколько не обрадовало предложение Павла I быть вице-канцлером в помощь болевшему Безбородко. Но замечательно обдуманное и тактичное письмо Семена Романовича устранило от себя эту честь. Затем последовало новое приглашение императора, ввиду ожидавшейся смерти Безбородко, занять могущую открыться вакансию канцлера – и, казалось, отступление было невозможно. Воронцов снова послал государю замечательное письмо, а сам все-таки стал готовиться к отъезду из Англии, с нравами и климатом которой он уже свыкся. Из переписки посла за это время видно, какие мрачные предчувствия и даже уверенность в близкой гибели тяготили его. Но и тут дело обошлось благополучно: Павел I разрешил послу оставаться в Англии, не неволя его приездом на родину, “будучи уверен, – по словам рескрипта, – что он и вне России будет ей полезен”. Но на этом пора добрых отношений между императором и его английским послом кончалась: Семену Романовичу приходилось испивать общую со всеми чашу – неожиданных немилостей и кар. В Европе на ту пору происходила страшная суматоха. Успехи революционной Франции и ее консул, одерживавший блестящие победы, грозили всему тогдашнему режиму. Но ни коалиции, ни союзы против республики не помогали: она гигантскими шагами шла к господству в Европе. Павел I тоже не оставался равнодушным зрителем событий, колебавших троны его царственных

“братьев”. Мы примкнули к Австрии и Англии, но последняя, по обыкновению, эксплуатировала нас и не сдерживала постановлений трактата. Больше всего обиделся государь на Англию за то, что она, вопреки договору, удержала за собою остров Мальту, а между тем Павел I был великим магистром Мальтийского ордена. Союз с Англией висел на волоске, и Семен Романович старался его спасти, делая соответственные представления государю. Но 4 апреля 1800 года граф получил “реприманд”, официальное письмо Ростопчина, что “Его В-во, усматривая из донесений ваших разные представления вопреки его воле, приказал вам сказать, что если исполнение оной вам в тягость, то не возбраняется вам просить увольнения от службы...” Это официальное письмо сопровождалось другим (шифрованным), в котором Ростопчин писал, между прочим: “Если с вами так поступают, то что ждет меня? И могу ли я оставаться? Орошаю слезами ваши руки... Будем плакать вместе!”

Не успел граф даже послать объяснений по поводу гневных замечаний Павла I, как получил от него уже вторую “неожиданность” (рескрипт 13 апреля 1800 года): “Находя, по малому числу дел, что присутствие ваше в Англии не совсем может быть нужно, позволяю употребить сие время на поправление вашего здоровья и отправиться к водам”.

Но эту внезапную и обидную отставку испытания только что начинались: вскоре Михаил Семенович был отставлен от камергерства. Затем последовал союз с Францией уже против Англии, наложено было в русских гаванях запрещение на английские корабли, и замышлялась уже знаменитая экспедиция донских казаков в Индию. Семен Романович, удалившийся из Лондона в Саутгемптон, в то время небольшое рыбачье местечко, видел неизбежность войны. Он сознавал, что в этом случае ему не придется оставаться в Англии и нужно покинуть мирный уголок, в котором он спокойно и счастливо проживал с детьми после бурь и тревожений дипломатической службы. Он собирался уже к отъезду, как вдруг на него обрушилась тяжелая кара: “за недоплаченные лондонскими банкирами Пишелем и Броденом, – говорилось в указе 19 февраля 1801 года, – казне принадлежащие деньги: 499 фунтов стерлингов, 14 шиллингов и 5 пенсов – конфисковать на такую сумму имущества генерала графа Воронцова; прочее же имущество его за пребывание в Англии взять в казенный секвестр”.

Под указом стояло одно из зловещих тогдашних имен генерал-прокурора Обольянинова.

Пишель и Броден были банкиры, через которых велись денежные дела посольства, и взыскание с них задержанных ими денег было возможно

обыкновенным судебным порядком. Понятно, граф Семен Романович не был ни в чем виноват, и это внезапное и суровое решение, отнимавшее средства к жизни, поразило посла. Но объяснение и оправдание его по этому поводу не застало уже государя в живых. Посольский священник Смирнов 13 апреля 1801 года писал графу в Саутгемптон: “Успокойте, ваше сиятельство, дух ваш от временного беспокойства: Павел I отыде в вечный покой”... Новый государь немедленно отменил распоряжение покойного отца, и секвестр с имений английского посла, передававшихся уже, по распоряжению графа Александра Романовича, исправникам, был снят. Эту милость Александра I сообщил Семену Романовичу Пален, что, однако, не изменило отношения Воронцова к этому “подлому угоднику Зубова, делавшему и приносившему фавориту по утрам кофе”.

Молодой государь старался залечить раны прошлого. С жаром юноши набросился он на дела государственные, окружил себя молодыми и талантливыми помощниками, и, конечно, братья Воронцовы могли вздохнуть при нем свободнее: младший был утешен знаками внимания государя, а старший – Александр Романович – был вызван из своего уединения и вскоре занял пост государственного канцлера (8 сентября 1802 года). “Заживают раны от муки прежней”, – писал своему приятелю в Лондон после воцарения Александра I испытанный при Павле опалу старик Завадовский.

Вновь настала пора для братьев Воронцовых заявлять свои мысли и убеждения: молодой государь сначала их очень благосклонно выслушивал, причем братья не стеснялись в критике как минувшего времени, так и современных порядков и лиц, ими заведующих. В особенности Семен Романович сильно нападал на тогдашнего молодого деятеля, графа Н. П. Панина, заведывавшего иностранными делами и представлявшего собою антагониста братьям Воронцовым в политике. Вскоре Панин был смещен, и, как мы уже сказали, главенство, впрочем на весьма недолгое время, в управлении государственными делами принял Александр Романович.

В своих записках Воронцовы были откровенны, и, например, старший брат довольно ясно говорит о тяжелых Павловских временах и решительно утверждает, что Россия “никогда, к сожалению, устроена не была”. В своих политических взглядах братья, несмотря на то, что “воды много уже утекло”, оставались консервативны: по-прежнему они стояли за согласие с Англией и недолюбливали Францию, в особенности “выскочки” Бонапарта, хотя уже недалеко было время, когда этот “выскочка” наполнил мир славою своих побед и из когда-то скромного офицера сделался сюзереном, раздававшим европейские престолы своим маршалам, родне и фаворитам,

и гигантом, раздавившим в несколько недель все могущество Пруссии и Австрии.

Во внутреннем управлении Воронцовы по-прежнему стояли за коллективное обсуждение дел и прежнюю роль сената, какую он имел в Петровское время. Теперь, как и в прежние царствования, не было почти ни одного вопроса в государственном управлении, о котором бы не подавали своих мнений, проектов и записок братья Воронцовы. Партизаны союза с Англией, при помощи которого они желали развить морские силы России, Воронцовы интересовались положением морского дела на родине; зная хорошо Англию и ее морскую организацию, они в этом отношении были ценными советниками и участвовали в разработке вопросов о русском флоте. Между прочим, знаменитый адмирал Грейг, герой войны со Швецией, был их другом. В сфере военного дела, которое Семен Романович прошел в школе славного Румянцева, младший Воронцов был специалистом, и его записка “о способах лучшего устройства русской армии”, поданная Александру I, не утратила интереса и в настоящее время. Вообще как в этих, так и во многих других вопросах мнения Воронцовых отличались разумностью и самостоятельностью, выделявшими их из окружающей посредственности, и во всяком случае – основательным знанием трактуемого предмета.

Но брюзжащая и упрямая старость, отстаивающая с упорством убеждения, раз сложившиеся в уме, и с трудом поддающаяся новым веяниям, бывает плохую союзницею кипучей, порывающейся молодости, желающей испытать способы пересоздать по новым рецептам мир и восстановить в нем нарушенное нравственное равновесие. И братья Воронцовы испытали это вскоре по воцарении Александра I.

После долгих 17 лет – в 1802 году прибыл Семен Романович на родину вместе с дочерью. Сын его уже ранее приехал в Россию и жил у дяди-канцлера. Все семейство Семена Романовича было обласкано и прекрасно принято при дворе, а образованный, молодой и любезный Михаил Семенович, – гордость дяди и отца, – имел большой успех среди тогдашнего общества, которое не могло похвалиться образованною молодежью. Это пребывание Семена Романовича в России было последним, и он вернулся в конце 1802 года снова в Англию, чтоб никогда уже не видеть родины, по отношению к которой были, может быть, довольно справедливы слова одного из государственных людей: “Эта страна, в которой, живя в деревне, пошлешь и, живя в столице, подлешь”...

Молодые сотрудники государя везде вытесняли старых слуг его отца и

бабки. Не замедлило то же случиться и с графом Александром Романовичем. Назначенный ему в помощники молодой Чарторижский, тонкий и образованный поляк, на самом деле забрал все в свои руки и пользовался большим доверием государя. Чувствуя притом себя больным, граф отстранился от дел с 1804 года, уехал в свое имение Андреевское, где и прожил, сохраняя по внешности всю канцлерскую обстановку – получал депеши, имел канцелярию, – но уже почти без влияния на дела государственные. В 1805 году, 2 декабря, граф Александр Романович скончался в Андреевском, где и погребен.

Брат его, Семен Романович, тоже сходил со сцены: 15 мая 1806 года он вышел в отставку, при чрезвычайно лестном отзыве о его деятельности со стороны государя, с почетом и соответственным гонораром. Но на долю этого симпатичного старика выпало редкое счастье видеть блестящие успехи сына, воспитанию которого он посвятил так много времени и забот. К жизни и деятельности этого знаменитейшего из Воронцовых мы теперь и перейдем.

Глава VI. Знаменитейший из Воронцовых

Личность и общество. – Невозможность быстрого пересоздания общества. – Счастливые условия в детстве Михаила Семеновича Воронцова. – Его воспитание и образование. – Мальчик пишет письма и депеши. – Вдали от крепостного права. – Простота и приветливость Воронцова. – Под командой Цицианова. – Переговоры с царем Имеретии. – На полях европейских битв. – Жизнь в Андреевском. – На полях Наполеоновских битв. – Оккупационный корпус Воронцова. – Благодарность и любовь подчиненных к вождю. – Участие в записке об освобождении крестьян. – Характер Воронцова. – Его взгляды и наружность. – Воронцовская “сокровенность”. – Вражда к телесным наказаниям. – Громадное богатство. – Назначение Новороссийским генерал-губернатором

Обозревая жизнь государственного человека, захватывавшего своею деятельностью многие сферы народной жизни, невольно сталкиваешься с вопросом о взаимодействии личности и общества, о степени влияния деятеля на общество и наоборот. Существуют разные взгляды на этот предмет: одна школа историков верит в возможность чудес при воздействии со стороны гениальной личности даже на самое инертное и невежественное общество; другие историки, наоборот, отводят слишком мало места личности в ходе исторического процесса и видят в деятеле только что-то вроде аккумулятора, скопившего в себе то, что в разбросанном виде циркулирует в массе. При таком взгляде на дело, понятно, личности, в особенности в странах культурных, отводится незначительное место: она, действуя оригинально, наперекор массе, ничего не подделает со стихийной силой народа. Но кажется, что подобный взгляд на личность и общество мог возникнуть только в таких высокообразованных государствах, как Англия, где масса выросла и развилась в политическом отношении, при целых столетиях исторического опыта, и сознательно относится к делу. Но вопрос принимает иную форму для стран малокультурных: здесь влияние личности, – могучей, энергической, облеченной прерогативами власти, – на толпу несомненно, хотя оно сильнее всего может выразиться только отрицательными результатами.

В самом деле, много ли может сделать вообще добра личность громадной массе, представляющей результат вековых стихийных влияний?

Может ли она, и в особенности за период времени, обнимаемый человеческою жизнью, улучшить положение массы и содействовать ее духовному просветлению? Перед государственным человеком стоит трудная задача улучшения быта целых миллионов людей, утопающих во мраке; постанова на прочную почву целого государственного организма и необходимость провидеть его далекое будущее и, во имя будущего “здоровья” этого организма, производить над ним в настоящем кровопускания и хирургические операции. Но в человеческой природе слишком много унаследованных пороков, чтобы она могла быстрыми шагами прийти к “правде и свету”. Достижение этих результатов предполагает известный подвиг и самовоздержание в интересах “ближнего”, а на это люди очень мало склонны. Так что личность, поставленная высоко и действующая на невежественную толпу, воспитанную в страхе перед властью, имеет возможность скорее сделать много зла: опустошить целые страны войною, принять драконовские меры и прочее – но сомнительно, чтобы она могла воздействовать на массу, инертную к добру, в смысле следования ее быстрыми шагами к тому нравственному совершенству, которое должно быть задачею всякого деятеля. Тамерлан в несколько лет мог превратить целые государства в пустыни, но Генрих IV во всю жизнь не добился даже скромной “курицы в супе” для своего народа. На наших глазах еще были страшные боины, и, может быть, судьба судила присутствовать нам при еще более ужасающей бойне “наций” за свои интересы, а между тем уже 2 тысячи лет назад было сказано Кротким Учителем: “несть эллин и иудей” и провозглашены другие святые истины, которых до сих пор “не вместили” народы.

Увы, как ни симпатичны теории о быстром пересоздании человечества – сверху или снизу, – теории, привлекающие к себе своею красотою в особенности страстную и порывистую молодежь, – но истинное достижение добра получается мучительно медленным путем, способным повергнуть человека в отчаяние. И благо тем деятелям, которые своею жизнью не прибавляют зла к массе его, – и так уже угнетающей мир, – а дают людям хотя крупичицы добра, жатву посева которых увидят в осязательной форме, может быть, только отдаленные наши потомки.

Все эти соображения о возможной роли государственных людей в истории нужно иметь в виду и при оценке деятельности Михаила Семеновича Воронцова, детству, юношеству и первым шагам которого на общественном поприще мы посвящаем эту главу.

Немногие люди были поставлены в такие счастливые условия в детстве, как Михаил Семенович. Сын умного и просвещенного отца,

передавшего ему свою любознательность, он провел детство в стране, в которой можно было получить прекрасное образование. У него были образцовые гувернеры и учителя. Он владел в совершенстве несколькими новыми и знал классические языки. В его образовании не были забыты математика, политические науки и другие знания. С ранней юности будущий фельдмаршал познакомился с литературой европейских стран, а все это в эпоху, когда у нас, на Руси, “учились понемногу – чему-нибудь и как-нибудь”, представляло ценное достояние для будущего деятеля. Кроме учебных занятий не меньшее значение имели беседы с отцом и встречи с его друзьями и знакомыми, и в восприимчивую душу ребенка могли почти неуловимо западать в этих беседах элементы знаний. Граф Семен Романович серьезно отдался делу воспитания своих детей и аккуратно следил за исполнением плана систематического образования в них вкуса, знаний и понимания нравственных обязанностей человека. С удовольствием просматриваются его письма о совместном чтении с детьми; так, Семен Романович сообщал Александру Романовичу, что “Мишенька” (11 – 12-летний мальчик) читает то римских классиков, то Мольера, от которого хохочет до слез. Мальчиком Михаил Семенович был уже au courant современных политических вопросов. Отец, болевший глазами, диктовал часто 12-летнему “Мишеньке” письма и депеши, посвящал его в частности предмета, и то, что другим могло быть известно из пятого в десятое из газет, мальчик, стоявший, так сказать, у лаборатории, где изготовлялись политические вопросы, знал подробно и хорошо.

В смысле влияния на образование характера будущего деятеля обстоятельства были не менее благоприятны: на мальчика действовал благородный пример отца, стойкого, твердого и деятельного человека, не на словах только применявшего принцип “noblesse oblige”.

Вдали от тогдашнего Петербурга, где, с одной стороны, господствовали лесть и угодливость, а с другой – надменность и чванство чинами и родовитостью; вдали от крепостного права, так развращающе действовавшего на наших предков; в свободной стране, где рабочие не ломали шапок даже перед знатными лордами, у молодого Воронцова не могло выработаться тех свойств характера, которые так естественно развивались на родине у представителей того класса общества, к которому принадлежал сын посланника. И ту простоту и приветливость, ту одинаковую любезность ко всем людям, имевшим к нему отношения, когда он уже был всемогущим наместником Кавказа и вельможею, достигшим высших ступеней власти, следует приписать жизни его в Англии. Если мы ко всему сказанному прибавим, что Михаил Семенович, не видев России до

18-летнего возраста (он оставил ее, когда ему не было и двух лет), тем не менее, прекрасно говорил на русском языке, – результат усилий его отца, – то пойдем тот успех, который был уделом молодого Воронцова при появлении его в России (в мае 1801 года). И действительно, как старейший Завадовский, так и граф Александр Романович – в письмах к послу – расхваливали его сына и ставили молодого Воронцова в пример тогдашней молодежи, у которой было “на грош амуниции” по части образования и способностей и на целые сотни рублей “амбиции”. “Не полагал я, – пишет старейший Завадовский послу, – никак пережить судороги России и начать счастливую эпоху утешением, увидя твоего премилого сына... Сердце доброе и нежное, скромность не по летам и рассудок здоровый имеет... о сих качествах предвзвешивает всякого и наружный вид его...” С худо скрываемою радостью относился Семен Романович к этим похвалам его сыну, не стесняясь и сам его хвалил. “Он у меня *bon garçon*”^[7], – пишет посол друзьям о “Мишеньке”.

Хотя юный Воронцов имел успех в свете и поступил в гвардию, в Преображенский полк, но он жаждал активной деятельности, и у молодого человека сначала, очевидно, сказалась “военная” косточка отца. Немного спустя по приезде в Россию, в 1803 году, мы уже видим Михаила Семеновича на войне с Персией, под командою знаменитого героя князя Цицианова, знакомого Воронцовых. С сердечным трепетом следили старики графы за судьбою сына и племянника. “Он один у нас”, – писал канцлер Александр Романович Цицианову, прося побережь молодого Воронцова. И можно представить себе ту радость, которая наполняла сердце посла при чтении писем Цицианова, исполненных похвал молодому человеку, отличавшемуся и находчивостью, и храбростью и привлекавшему товарищей обворожительною простотою обращения. Конечно, в этих аттестациях старика Цицианова могло играть немалую роль и желание доставить приятное высокопоставленным и богатым вельможам, хваля их питомца, но, во всяком случае, поведение Михаила Семеновича стоило похвал. При штурме крепости Ганжи, из-под самых стен ее, он вынес на плечах из боя раненого Котляревского, – одно из знаменитых кавказских имен, – в то время, когда это представляло страшный риск и сопровождавший Воронцова солдат был убит. В эту же экспедицию Михаил Семенович участвовал в ведении переговоров с имеретинским царем Соломоном о подданстве его России, которое и состоялось в 1804 году.

Но на Кавказе недолго пришлось побывать Михаилу Семеновичу, и он вновь посетил эти страны более чем через сорок лет, когда уже стал

стариком и когда его имя, как героя наполеоновских войн и устроителя обширного Новороссийского края, было всем известно. А теперь прямо из Грузии судьба бросила его на театр европейской войны, туда, где гремел гром наполеоновских побед и где вскоре пришлось русским войскам и на себе испытать тяжесть страшных ударов императорской гвардии и маршалов. Готовился уже богатый материал для создания вандомской колонны – памятника славы Франции и Наполеона, при взгляде на который, однако, по словам Барбье, ни одна французская мать не может удержаться от слез... В конце 1804 года молодой, увенчанный лаврами Воронцов, понюхавший уже пороху, появился в Петербурге и, вскоре после смерти дяди-канцлера, в 1806 году уже участвовал в европейской войне. Кстати скажем здесь, что воспитанный в политических идеях отца граф Михаил Семенович очень не сочувствовал союзу нашему с Францией и не любил Бонапарта. Он даже не пошел, как рассказывают, под предлогом болезни, со своим батальоном на левый берег Немана, где происходило знаменитое Тильзитское свидание.

Прошел уже страшный для русской армии день Аустерлица с его выбравшимся из глубокого тумана солнцем славы над победоносным Бонапартом, близка уже была Йена, после которой погибло прусское могущество... Наступали печальные дни для вновь образовавшейся против Франции коалиции. Недалек был новый ряд блестящих побед Наполеона, когда французские орлы прошли через всю Европу. Михаил Семенович не был безмолвным свидетелем всех этих военных действий: в сражении под Пултуском (1806 год) он, за оказанную храбрость и распорядительность, был произведен в полковники. Но в этой же битве его ударила лошадь, едва не сломавшая ему ногу, и граф не мог участвовать в кровавом побоище при Прейсиш-Эйлау и видеть гибель русской армии, по которой из конца в конец, как смертный ураган, пронесся Мюрат со своими восьмьюдесятью эскадронами, усеяв поле такую массой трупов, что даже сам Наполеон прослезился...

Мы не будем следить за всеми военными шагами молодого Воронцова, – это была бы слишком подробная реляция о десятках стычек и сражений, нападений и отступлений, в которых он участвовал.

Настал 1812 год, нашествие десятков племен на Русь и страшный день Бородина (26 августа). Это было не сражение, а – по словам Михаила Семеновича – “бойня”, в самом настоящем значении этого слова:

*Где ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел!*

Воронцов в чине генерал-майора командовал гренадерской дивизией в этой “бойне”, где враги сошлись грудь с грудью. Из 5 тысяч человек его дивизии, защищавшей Шевардинский редут, осталось после этого дня в строю только 300: она была почти вся уничтожена и ее командир ранен навывлет в ногу...

На перевязочном пункте, между прочим, Воронцов видел, как принесли смертельно раненных Тучкова и Багратиона. “Они были сначала друзьями, – говорит Михаил Семенович, – потом стали врагами. Они холодно сошлись утром на поле сражения и встретились на минуту ранеными, чтоб сойтись уже в новом мире”.

Мы здесь приведем эпизод, последовавший после кровавых Бородинских дней, который в симпатичном свете рисует нашего героя. Прибыв в Москву, он приказал разгрузить подводы, увозившие воронцовские богатства (многие из них потом погибли в пожаре) в село Андреевское, и посадил на эти подводы многих своих товарищей, раненых под Бородином. Вместе с хозяином села, перешедшего к нему от покойного Александра Романовича, лечилось в усадьбе до 50 офицеров, у которых было до сотни денщиков и до 300 раненых рядовых. Все эти сотни людей и лошадей находились в течение долгого времени на полном содержании графа, и при расставании с солдатами Михаил Семенович снабдил каждого из их теплою одеждою и 10 рублями.

Легко понять, с каким интересом следил старый посол за успехами своего сына, как он был опечален Бородинскою катастрофою и как, наконец, обрадовался, когда Михаил Семенович оправился.

Враги были выгнаны из России. И на их долю выпали страшные дни: морозы, недостаток продовольствия, партизанская война – все это быстро уменьшало ряды французов, а ужасная переправа через Березину завершила дело. Но звезда Наполеона далеко еще не померкла: он быстро организовывал новые армии и приносил их в жертву богу войны. И только Ватерлоо окончательно приковало этого маленького титана к далекой скале в безграничном океане.

Михаил Семенович участвовал в последовавших затем действиях русской армии, и на его долю выпали уже крупные самостоятельные подвиги: он был под Лейпцигом, а в сражении под Краоном (1814 год, 23 – 24 февраля), командуя целым корпусом, успешно удерживал всю французскую армию, бывшую под начальством самого Наполеона, наконец, под Парижем занял предместье Лавиллет. После целого ряда блестящих

битв и форсированных маршей Михаил Семенович, по заключении мира, командуя оккупационным корпусом, оставался во Франции до 1818 года. Получив высокие назначения, граф, однако, не изменил простых и добрых отношений к сослуживцам и, как известно, продажей одного из своих имений уплатил долги офицеров своего корпуса во Франции. Памятником этих добрых отношений служит серебряная ваза, поднесенная Воронцову офицерами корпуса, с вырезанными на ней их именами.

Может быть, это долгое пребывание во Франции, где еще бродили отголоски идей, пугавших Европу, и где не всеми был забыт девиз “свобода, равенство и братство”, оставило яркий отпечаток на образе мыслей Воронцова. По крайней мере, мы встречаем его, по возвращении из Франции, в числе самых передовых людей родины. Он был одним из главных действующих лиц при подаче известной записки 5 мая 1820 года императору через графа Каподистрия.

В этой записке, подписанной графом Воронцовым, князем Меншиковым, братьями Тургеневыми и Каразиным, говорилось об основании несколькими помещиками общества, целью которого являлось изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, вступающим в общество. “Мы уверены, – говорилось в этой записке, – что таковое удаление единого справедливого и важного порицания, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается в глазах просвещенных народов, есть в настоящее время дело не только справедливое, но и благородное...” Увы, это “справедливое и благородное” дело должно было с того времени ждать своего осуществления более 40 лет!

Во всяком случае, Воронцов был гуманным и симпатичным помещиком, чего, к несчастью, нельзя сказать про многих, страстно распинавшихся за “мужика” писателей даже новейшего периода” На гуманность Воронцова существует много указаний и, между прочим, в записках Огаревой-Тучковой, не видевшей графа, но уважавшей его с самого детства за умение во время крепостного права сделать своих крестьян счастливыми и богатыми. Он отдавал всю господскую землю “миру” и брал за нее легкий оброк. Имениями его заведовали управляющие, но крестьяне не боялись графа и часто адресовались к нему с жалобами на управителей. Эти жалобы всегда принимались горячо, и во многих случаях управляющие сменялись.

То, что мы сказали здесь о графе Воронцове, рисует его симпатичный образ. И он всегда был таким: отважный и сильный в опасностях, он

являлся ласковым, добрым и благородным товарищем. Вся его переписка с приятелями указывает на то, как последние любили Воронцова, и эта любовь и уважение сохранились навсегда. Граф несомненно имел широкий и европейски просвещенный взгляд на обязанности государственного человека...

В молодости похожий лицом, манерами и характером на добродушного “с душою нараспашку” отца, сын за последнее время, кажется, утрачивал это прекрасное свойство. Он был высок ростом, строен и красив, но в нем в зрелые годы, по свидетельству, например, графини Блудовой, было больше тонкости и меньше прямодушия, – больше ума и меньше привлекательности. “Он смотрит настоящим лордом, – прибавляет графиня, – но без всякой примеси родной беспечности”. Эту черту – отсутствие “души нараспашку” – старый Завадовский отмечал еще и в молодом графе, говоря о воронцовской “сокровенности”. Но, может быть, это свойство, раздувавшееся многими до размеров лицемерия и мелкого эгоизма, развилось у Воронцова уже после жизни на родине, среди людей и обстоятельств, где такой образ действий являлся вполне естественным?

Наоборот, другие, выставляя на вид “гуманность” Воронцова, его ласковость и простоту, приписывали государственному человеку недальновидность и отсутствие опытности. Эту последнюю ошибку часто делают люди, принимающие прекрасные качества сердца за недостатки ума.

Разумеется, были недостатки и у знаменитого фельдмаршала, но кто же свободен от них?

Обаяние громадной власти туманит голову человеку, у него часто пропадает перспектива событий и могущество превращает быстро в действие какую-нибудь случайную эмоцию, от чего человек при других условиях мог бы воздержаться. Иногда, впрочем, те действия, которые кажутся несимпатичными, являются результатом глубокого убеждения в их целесообразности. Конечно, случай с Пушкиным (о чем мы подробнее скажем ниже) мало прибавляет к славе новороссийского генерал-губернатора, но в данном случае и наш знаменитый поэт, кажется, был не совсем прав.

Для того, чтоб закончить портрет будущего фельдмаршала, нужно сказать, что он еще в ранней молодости энергично стоял за отмену телесных наказаний солдат и за их развитие и этих гуманных правил придерживался всю жизнь, не давая пощады притеснителям низших служащих; известны многие его распоряжения в этом смысле. Тогда эти действия, при совершенно противоположном настроении начальников,

возбуждали недовольствие против новатора. Этот принцип справедливости к “пушечному мясу” высоко стоял в деятельности Воронцова, за всю продолжительную службу бывшего противником прусской муштровки и шагистики, превращавшей человека в манекена. Кавказские войска при Воронцове были “нараспашку”, но это, однако, не мешало им быть героями.

Михаил Семенович обладал громадным богатством – одним из самых больших в тогдашней России, так как в его руках соединились почти все воронцовские капиталы, скопленные графами Романом Илларионовичем и экономным дядею Александром, частью же перешедшие к нему от княгини Дашковой. В 1819 году Воронцов женился в Париже на Елизавете Ксаверьевне Браницкой, дочери знаменитой и любимой племянницы Потемкина – Энгельгард. С этою женитьбою состояние Воронцова почти удвоилось. Богатый, энергичный, просвещенный и “либеральный” вельможа, имевший громадные связи, – хотя не им одним обязанный своим возвышением, – мог многое сделать. И мы увидим, что время для Воронцова проходило не даром.

В мае 1823 года Михаил Семенович был назначен генерал-губернатором обширного Новороссийского края; и с этого времени начинается новая – мирная эра его деятельности.

Глава VII. Мирная деятельность

Война и мирная работа. – Обширность и богатство Новороссийского края. – Привлечение поселенцев. – Швейцарские колонии и болгары. – Многочисленные заботы Воронцова. – Основание общества пароходства. – Постройки городов. – Оживление торговой деятельности. – Выписка садовников, виноделов и виноградных лоз. – Шелководство и тонкорунное овцеводство. – Обезымы края. – Южный берег Крыма. – Взятие Варны. – Чума. – Бунт в Севастополе. – Смерть дочери. – Кончина отца. – Голод и борьба с ним. – Энергия и инициатива Воронцова. – Частная жизнь. – Процесс с Долгоруковым. – “Я и сам предок!” – Просьба о князе Волконском. – Любовь к истории и археологии. – Воронцов и Пушкин. – Достоинства и недостатки Воронцова

Война и ее деятели, опустошающие целые страны и истребляющие массы народа, до сих пор еще имеют более вдохновенных певцов и поэтов, чем скромное мирное преуспевание страны, способной только медленным шагом двигаться к лучшему будущему. Как всякое грандиозное стихийное бедствие, война и ее окруженные ореолом герои, гром пушек, вопли погибающих людей и зарево пожаров сильнее врезаются в память народа, слагающего про них яркие и многочисленные песни. А медленная работа мирного деятеля, черепашим шагом идущего к далекой, но верно намеченной цели, по самому свойству своему не способной к быстрому осуществлению, не получает такого яркого отпечатка в народной фантазии и не создает обширного эпоса, как разрушительная работа завоевателя.

Плоды мирной деятельности чаще всего обнаруживаются гораздо позже, а военные действия имеют непосредственный результат. В самом деле, снятие с народа некоторых тягостей, уничтожение какой-нибудь пошрины на хлеб или соль не может идти по своей импозантности в сравнение с картиною яркого побоища Аустерлица, – с его целым корпусом войск, провалившимся в этой битве под лед, – побоища, которое через долгие годы будет еще трубить о славе Наполеона.

Обширный Новороссийский край и Бесарабия, отвоеванная в последнюю войну у Турции, были почти пустыни. Громадная страна, омываемая волнами Черного и Азовского морей, Днепром, Днестром и Бугом, – страна, богатая произведениями природы, обладавшая могучими силами земли и ждавшая мирного нашествия “рыцарей труда”, была дана

Михаилу Семеновичу Воронцову. Недавно возникшая “южная красавица” Одесса, обязанная своим первоначальным развитием герцогу Ришелье, полюбившему свою новую родину, была еще маленьким городком, и ей суждено было расцвести при Воронцове. Чудная “Таврида”, благословенный Крымский полуостров, способный наводнить, по плодородию своей почвы, всю Европу виноградным вином, отличался первобытной культурой этого драгоценного растения. Торговля еще только зарождалась, отсутствовало мало-мальски хорошее морское сообщение, и в громадной стране, богатой дарами природы, едва только мелькали, как оазисы, людские поселения.

Привлечение поселенцев в благодатный край, пригреваемый лучами теплого южного солнца и омываемый глубоким морем, стало одною из главных забот Воронцова. Население Бессарабии, насчитывавшее не более половины миллиона жителей до Воронцова, значительно возросло при нем. Граф исходатайствовал многочисленные льготы для переселенцев, привлекавшие последних в пустынную страну. Появились швейцарские колонии, приняты десятки тысяч эмигрировавших из Турции болгар, – трудолюбивое население, способствовавшее быстрому экономическому росту края. Южный берег Крыма, теперь цветущий сад, обязан своим процветанием деятельному генерал-губернатору.

Не было почти ни одной отрасли государственного хозяйства, которой бы не коснулась рука нового правителя, снабженного громадными полномочиями и развивавшего обширную деятельность. В чем другом, но в необычайном трудолюбии не могли отказать Воронцову даже его недоброжелатели: в этом отношении он не изменился до глубокой старости, приобретя привычку к постоянному труду еще с детства в Англии, где, как и в Америке, “время – деньги”. Но, уделяя время важным заботам о вверенном ему крае, граф не забывал ни литературы, ни искусств: он обратил внимание на обилие классических памятников, находимых в раскопках, а его собственные обширные библиотеки ломились под тяжестью собранных книжных сокровищ. Основание учебных заведений составляло одну из усердных забот графа. Кроме общеобразовательных школ в разных местах края были основаны вызывавшиеся нашими развивавшимися сношениями с востоком школы и цехи для подготовки моряков и школа восточных языков в Одессе.

Еще ранее назначения в начальники нового края Воронцов построил впервые в своем имении, на Днепре, пароход, и эта новинка, только что недавно появившаяся в Европе, была, конечно, совершенною редкостью в России. Вероятно, это “чудовище обло и озорно” немало производило

сначала сенсации у скромных приднепровских обывателей. Обратив внимание на глубокие и удобные для морских сообщений воды Черного моря, граф уже в 1828 году основал срочное пароходство между Одессою и Крымом; рейсы совершал коммерческий пароход “Одесса”. А в 1833 году Михаилом Семеновичем было основано на акциях общество пароходства между Одессою и Константинополем. Это было только начало развившегося вскоре судоходства и обширной морской деятельности. Нечего и говорить, что помянутое обстоятельство отразилось благоприятно на развитии богатого края. На пустынных берегах Азовского моря были основаны города Эйск и Бердянск (1835 год). Много забот было посвящено Керчи и другим более или менее важным пунктам Азовского и Черного морей.

Это старание поднять экономические силы страны и заботы о развитии в ней торговых сношений составляли в графе черту, приобретенную за его продолжительное пребывание в классической стране “торгашей” – Англии. Эта же черта деятельности Воронцова послужила основанием и для названия графа “полукупцом” в знаменитой эпиграмме Пушкина.

Граф помимо этого тратил большие личные средства на выписку опытных садовников и виноделов из-за границы, поставивших эти отрасли хозяйства в обширном крае на рациональную почву. Граф выписывал из Франции и Германии виноградные лозы, которые и раздавались даром желающим. Если когда-нибудь случится, что Крым, Кавказ и Бессарабия будут снабжать своими винами всю Европу, перещеголяв в этом отношении классическую страну виноделия – Францию, то прочный фундамент этому делу был положен несомненно Воронцовым. Не было забыто развитие шелководства и марены, а богатые пастбища с сочной и густою травой являлись великолепным кормом для стад, и Воронцов первый положил основание тонкорунному овцеводству в подчиненной ему стране. Не забудем сказать также, что по инициативе графа начата разработка и знаменитых Грушевских залежей превосходного антрацита. Все эти мирные заслуги деятеля были оценены по достоинству еще Александром I, путешествовавшим по южному краю и видевшим заботы графа: перед смертью императора Воронцов был произведен в “полные” генералы. Не забудем сказать, что в течение нескольких лет перед тем граф не принимал участия в делах по причине господства “аракчеевщины”.

Граф объезжал по несколько раз в год громадную страну, следя за всем и везде проявляя свою инициативу. Южный берег Крыма, не имевший дорог до Воронцова, стал удобопроезжаем. Граф часто посещал этот чудный уголок, купил там большие пространства земли и завел образцовые

виноградники. В Алупке в 1837 году окончена постройка дворца, расположенного в полутропическом саду террасами, спускающимися к морю, которое с шумом дробит свои волны о красивые берега Алупки. Этот уголок был местом отдыха для Воронцова, куда он приезжал почти каждый год после своих одесских и кавказских трудов. Обо всем заботился граф; это была деятельность, не похожая на заботы щедринских градоправителей, считавших необходимым увековечить память о себе фонарными столбами и рассадкою тощих ветел на улицах, а дело глубоко сознательное и живое. Но судьба и здесь отрывала Воронцова от мирных забот к шуму битв и к тяжелым сценам войны. Кроме того и самый благословенный новороссийский край посещали тяжелые испытания. Затем и на долю самого Воронцова, могущественного и, казалось, застрахованного от земных бедствий человека, выпадали тяжелые личные удары.

В 1828 году русские войска неудачно осаждали Варну. Государь, находившийся близко от места военных действий, поручил осаду Воронцову, – и Варна была взята, за что Михаилу Семеновичу досталась осыпанная бриллиантами шпага.

Богатый край не раз опустошала саранча и посещало еще более страшное бедствие – чума (в 20-х и 30-х годах). Михаил Семенович был знаком с чумою еще в Грузии. Эта убийственная зараза, страшный бич южных стран, при появлении которой ослабевают все общественные, дружеские и родственные связи, не напугала генерал-губернатора. С сознанием необходимости выполнить долг он отдавал энергические распоряжения, входил сам в зачумленные дома, уничтожал зараженное имущество, и возможно, что благодаря умным распоряжениям Воронцова зараза, похитившая тысячи жертв, не сделала еще более страшных опустошений.

Эта борьба в общественном деятеле долга с личными привязанностями нанесла графу тяжелую рану в сердце. В 1830 году, когда эпидемия, ослабевая в Одессе (где она снова свирепствовала в 1837 году), продолжала усиливаться в Севастополе, в последнем городе возник опасный бунт: возмущившимися были убиты генерал Столыпин и служащие в карантине. Между тем Воронцов только что послал свою опасно больную старшую дочь Александру в Вену с матерью, думая отправиться вслед за ними. Но когда было получено известие о бунте, граф не мог покинуть края. И он был среди тяжелых трудов и опасностей в то время, когда там, далеко от родины, томилась предсмертною болезнью любимая дочь. После того, как спокойствие было восстановлено, причем, благодаря тактичности

и умению Воронцова, это обошлось почти без жертв, а наказания применялись с возможною гуманностью, измученный отец поспешил к умиравшей дочери, но на дороге получил известие о ее смерти. Нужно самому быть отцом, да еще таким нежным, каким был Воронцов, чтоб понять его горе в это печальное время.

С отцом своим Михаил Семенович виделся в предпоследний раз в 1828 году. Старик еще сохранял прежнюю любознательность и живой ум: переписку с сыном он вел до последних дней своих. В 1832 году, 9 июня, Семен Романович умер на руках своего уже прославившегося сына, приехавшего в Англию с семейством.

Михаил Семенович оказался на высоте призвания и в тяжелый 1833 год, когда, как теперь, громадные пространства нашего отечества и Новороссийский край в особенности посетил голод. Голодающих в подчиненном Воронцову районе насчитывалось до миллиона, но помощь кроме того была необходима и на обсеменение полей. Энергическими мерами было обеспечено и продовольствие, и урожай, причем немало тратилось и личных средств Воронцова, для которого, при его колоссальном богатстве, это не представляло большой жертвы. Действия его резко выделялись своею инициативою на фоне тогдашней рутины и ставились в пример другим администраторам.

Частная жизнь графа Воронцова как в Одессе, так впоследствии и на Кавказе резко разделялась на две части: скромные личные потребности и роскошь там, где нужно было поддержать престиж власти и “представительство”: блестящие балы собирали весь город, приветливость и радушие хозяев не различали знатного гостя от скромного чиновника. А в Алушке, этом сказочном крымском уголке, было еще лучше: громадный, фантастический, обвитый плющом и виноградом дворец давал приют целым сотням гостей. Нужно сознаться, что сановитость и громадное богатство хозяев, соединенные с очаровательною и изящною простотою обращения, и их роскошь импонировали толпе и подкупали в пользу чуждого населения, способное в чуждом “зрелище” не так назойливо приставать о “хлебе”...

Граф, обладая громадною властью, иногда бывал скромен и застенчив замечательно. Он был стоек в своих взглядах и нелегко их менял, как и отношения к людям. Раз составив сознательный и разработанный план действий, граф не терпел противоречий. Добрый, прекрасный семьянин, он дал детям заботливое воспитание, причем не изменил Англии и отправил туда, в Брайтон, учиться единственного сына Семена. От долгого пребывания в России и занимая такое положение, что льстецы, так сказать,

полагались по штату, граф немного и сам мог привыкнуть к лести: в постоянном хвалебном хоре, окружавшем тогда наших сановников, нелестливое отношение к начальству являлось резким диссонансом. Но хорошее отношение графа к людям, порою не заслуживавшим внимания, – в чем часто упрекали Воронцова, – могло быть и следствием влияния жены его, имевшей при себе целый двор и выдвигавшей людей, к которым она питала симпатии.

Воспитанный в Англии, стране гордого феодального дворянства, считавшего свою генеалогию на многие сотни лет и ценившего как в людях, так и в лошадях “породу”, Воронцов перенес эти взгляды и в Россию. Несмотря на свою известную “демократичность” в отношении к людям, он очень ценил “породу” и щепетильно относился к вопросу о древности своего рода. Известны пререкания покойного Воронцова с князем Петром Долгоруковым, издателем “Российской родословной книги”, завершившиеся громким процессом (во Франции, в начале шестидесятых годов), веденным уже сыном покойного фельдмаршала. Мы не будем говорить об этом процессе, но укажем только на то, что Долгоруков в издаваемой книге не хотел произвести рода нынешних Воронцовых от рода бояр Воронцовых, известных еще в начале XVI столетия, между тем как у фельдмаршала были несомненные документы, доказывавшие тождество обоих родов. Видно, что этот вопрос причинял старому и больному князю большие нравственные огорчения.

Когда вообще возникают подобные притязания, то невольно вспоминается дидактическое изречение из одной старой книги, что “люди, основывающие свои права на уважении, на заслугах предков, похожи на картофельное растение: полезнейшая часть его – в земле”. Фельдмаршал, разумеется, имел право считать себя принадлежащим к “благородным” представителям людской расы, но он не нуждался в заслугах предков и мог бы сказать про себя, наподобие наполеоновского маршала герцога Данцигского, вышедшего из простого звания: “я сам – предок!”

На эту же черту известной “родовой” гордости указывает и тот факт, что, получив титул князя на Кавказе вместе с другими знаками уважения и благодарности Николая I, Воронцов говорил: “Я был прежде *старый* граф, а теперь стал *молодым* князем”.

Характеризуя взгляды и свойства Воронцова, не забудем того, что он из Одессы в 1840 году просил о переводе декабриста князя Сергея Волконского из Сибири на Кавказ, но Бенкендорф отказался докладывать государю эту просьбу ввиду того, что Волконский был “одним из главных виновников”. К бывшему в Одессе декабристу Лореру граф тоже

симпатично относился, – а все это указывает на несомненную “порядочность” и доброе сердце Воронцова.

Нужно указать еще на одну черту графа, составляющую, так сказать, частную особенность его общей любви к знанию и науке: он, по примеру своих родичей, собирал ценные исторические материалы и манускрипты, занимаясь изучением их на досуге от своих многочисленных занятий. Эти богатства, накопленные, правда, еще графами Михаилом Илларионовичем, Александром и Семеном Романовичами, и дали тот материал, который князь Семен Михайлович (единственный сын Михаила Семеновича) издал в виде неоцененного “Воронцовского архива”. Можно думать, что не только в собраниях русских нет такого огромного количества ценных исторических документов, но даже и за границей немного найдется подобного. Помимо бумаг, относящихся, собственно, до деятельности Воронцовых и их русских и иностранных современников, в собрании Михаила Семеновича были вообще материалы, драгоценные в историко-археологическом отношении, например “псковская судная грамота”, “письма царевича Алексея Петровича” и др. И когда в 1854 году Одессу бомбардировали англо-французские корабли, Воронцов, не жалея своих одесских богатств, просил только припрятать дорогие манускрипты куда-нибудь подальше во избежание опасности от пожара.

Частым и дорогим гостем у Воронцова в Одессе сначала бывал и Пушкин – веселый молодой поэт, любивший подурачиться, покутить и поухаживать. Это был еще свежий душою Пушкин, – не тот, каким мы его видим впоследствии в Петербурге, где ему теснил широкие плечи камер-юнкерский мундир и где светлые часы вдохновения омрачала пошлая клевета. Но к своей живости, к своим гениальным способностям Пушкин и в Одессе присоединял уже чрезмерное самолюбие и никому не давал спуска, будь это даже сам Воронцов. Эта черта – благородно стоять за права своей личности, вследствие горячности Пушкина, переходила иногда границы. Говоря здесь о столкновении поэта с графом, обратим, кстати, внимание на то, как в то время глубоко проникала в общество идея о кастовых различиях. Пушкин, даже сам гениальный Пушкин не мог отделаться от нее: к правам своим на уважение, как поэта, – звание, разумеется, более почетное в глазах истинно просвещенных людей, нежели счастье быть потомком даже королей, – он примешивает идеи о своем потомственном дворянстве; а как известно, название “сочинителя” Пушкин совсем не выносил. Известны письма поэта после ссоры с Воронцовым. В одном из них он, характеризуя графа жесткими и во многом несправедливыми словами, говорит: “Он видит во мне коллежского

секретаря, а я, признаюсь, думал о себе что-то другое...” Гордые слова, в которых уже сквозит сознание грядущей славы. Не менее благородно звучит и следующее место из другого письма: “Воронцов воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или одою, а тот является с требованием на уважение...” Но является уже не только как поэт, но как поэт-дворянин, генеалогию которого можно считать не менее как в 600 лет.

Начало истории разрыва Пушкина с Воронцовым, где были оба не правы и оба, кажется, впоследствии раскаялись, положил наш знаменитый поэт. Он написал несколько эпиграмм на дам и гостей, принятых у графа. Весьма возможно, что в ссоре, как осложнение, явилось и то обстоятельство, что Пушкин не стеснялся говорить любезности молодой и красивой графине, писал ей стихи и вообще, как говорится на светском языке, “ухаживал” за нею. Некоторые даже полагают, что со стороны Пушкина могло быть и глубокое чувство. И действительно, на такое утверждение могли бы дать право прекрасные и прочувствованные стихи, связанные с именем графини, как “Ангел” и “Талисман”, а также и то обстоятельство, что Пушкин был всегда в восторженном, нервном состоянии по получении писем из Одессы в своем Михайловском. А такое отношение поэта к жене Воронцова могло вызвать особенно холодное отношение со стороны последнего. Как бы то ни было, но обидчивый Пушкин в ответ на холодность графа разразился убийственными эпиграммами, хотя потом и уверял, что известное:

“Полумилорд, полукупец” —

он просто импровизировал, а его приятели записали и разболтали. К другой же эпиграмме подал повод неосторожным выражением сам Воронцов. Когда было получено известие о казни Риэго, Михаил Семенович сказал Александру I: “Quelle heureuse nouvelle, sire!”^[8]

Подлило масла в огонь назначение Пушкина в командировку для борьбы с саранчой. Это поручение, сочтенное за месть, окончательно взбесило поэта: он написал дерзкое письмо, вместе с знаменитым донесением о саранче, и вскоре затем последовало его удаление в Псковскую губернию в село Михайловское, – удаление, шедшее вразрез с желаниями поэта, но, тем не менее, давшее бесценные перлы русской литературе в период жизни на родном пепелище. Трудно, конечно, оправдать в этом деле и Воронцова. Величие человека больше всего было

бы видно в том, если бы он, ради удовлетворения личной обиды, не воспользовался своею громадною властью. Но когда читаешь письмо Воронцова к Нессельроде, составленное в простых и убедительных выражениях о неудобствах пребывания Пушкина в Одессе для самого поэта, которого и образ жизни, и окружающие льстецы портят, то невольно хочется верить, что не одно негодование Воронцова было причиною удаления из Одессы Пушкина, но помогла и его прежняя репутация, а также и несомненная решительность тогдашнего центрального начальства, часто делавшего из “мухи слона”.

Как бы то ни было, но известно, что Воронцов в год смерти поэта был у его вдовы с выражениями соболезнования, а княгиня Воронцова до конца своей жизни сохранила глубокую и добрую память о поэте. Плохо владея под конец жизни глазами, она заставляла читать вслух произведения усопшего писателя, по смерти которого две одесские газеты “Одесский вестник” и “Journal d'Odessa”, основанные генерал-губернатором и бывшие его полуофициальными органами, посвятили теплые и прочувствованные статьи автору злых эпиграмм на Воронцова.

В предыдущей и в этой главах мы проследили по возможности подробно жизнь, деятельность и взгляды последнего знаменитого Воронцова. Мы знаем его отвагу, его стойкость и энергию там, где это было необходимо; его гуманность и приветливость, так сказать, в “буднее” время. Нам знаком его просвещенный взгляд на задачи государственного человека, который должен стремиться к свободному и нестесняемому возрождению общества во всех сферах его деятельности. Воронцов знал цену образования и помог делу просвещения вверенных ему областей, учреждая учебные заведения. Не может не показаться высоко симпатичным его отношение к подчиненным, к крестьянам и солдатам, об избавлении которых от телесных наказаний он старался в то время, когда это считалось почти “якобинством”, и ненависть к взяточничеству, когда эта привычка всасывалась с молоком матери. Мы видели и недостатки графа: иногда он склонен был слушать льстецов, может быть, и сам льстил, – к этому льстецы всегда приучат. Иногда граф пользовался своею громадною властью ради защиты личной чести и репутации: употреблял в необходимых случаях суровые меры, что было в очень большой степени присуще тогдашнему времени. Но имея в значительно ослабленной степени пороки той эпохи, он далеко выделялся над нею своими положительными достоинствами, и этого не должны забывать противники Воронцова при осуждении его за недостатки.

Те же качества проявил граф Воронцов и за время его 9-летнего

кавказского наместничества, обзорением которого мы и закончим наш очерк.

Глава VIII. Кавказская эпопея

Кавказский хребет. – Горцы и их нравы. – Неизбежность борьбы. – Отчаянная храбрость и мужество горцев. – Богатый материал для героического эпоса. – Назначение Воронцова наместником и въезд его в Тифлис. – Надежды Николая I на энергию и таланты Воронцова. – Шамиль и его успехи. – Первые неудачи. – Кровавый поход в Дарго. – Гибель Пассека и его авангарда. – Любовь солдат к Воронцову. – Выработка рационального плана войны. – Штык и топор. – Воронцов становится князем. – Картины кавказской войны. – Подвиг рядового Осипова. – Сказочные случаи. – Кавказ сдается пядь за пядью. – Мирная деятельность Воронцова на Кавказе. – Усталость и отдых. – Смерть его

От Черного до Каспийского моря на 1500 верст протянулась широкая кавказская горная цепь – одна из грандиознейших в Европе. Окутанные вечным снегом громадные вершины, над которыми слышатся крики орлов, глубокие угрюмые ущелья, в которых бешено мчатся и режут быстрые реки и шумят водопады, цветущие плодородные долины – делают этот край по красоте и величию одною из таких местностей, каких немного найдется на земном шаре. Климат – от холодного вверху до полутропического внизу; роскошная растительность, плодородная земля в горных долинах, большое количество разнообразных ископаемых – всем наделена эта благословенная страна, представлявшая в прошлом место, куда стремились представители разных племен еще в эпоху переселения народов и куда позже крестовые походы забросили толпы искателей приключений. Такое смешение племен, говорящих на самых разнообразных наречиях, трудно отыскать на всем земном шаре. Несколько больших царств, десятки ханств, бесчисленное количество обществ, управляющихся своими старшинами, населяют Кавказ. В плодородных долинах – малокультурное оседлое население; в мрачных ущельях гор – полудикие, привыкшие к постоянным войнам и грабежам горцы. Живя часто в недоступных местах, похожих на орлиные гнезда, многие горские племена пополняли скудную добычу своего хозяйства отважными набегами на мирное население. Мусульманство, самая распространенная религия на Кавказе и в Закавказье, воодушевляющая и фанатизирующая горцев, в связи с условиями всей их наполненной опасностями жизни, делает их отчаянными храбрецами. Жилища горцев, похожие на крепости для защиты от нападений,

красноречиво говорят о воинственных нравах обитателей. Обычай кровавой мести являлся одним из святых законов для этих полудиких людей.

Постоянная, вечная война племен между собою; междоусобия соседних аулов и грозные набеги хищников на мирные Грузию, Гурию и Имеретию – вот картина Кавказа до владычества русских. Немудрено, что такая жизнь способствовала выработке необычайно смелого, ловкого и хитрого воина, воодушевленного фанатизмом, презирающего смерть и привыкшего постоянно смотреть ей в глаза.

И, разумеется, борьба и покорение подобной страны должны были стоить громадных средств и тяжелых кровавых жертв тому государству, которому судьба послала эту борьбу.

Могучий кавказский хребет, обитаемый диким, воинственным населением, спускался своими предгорьями к кубанским и донским равнинам громадного государства, уже много потратившего сил на свое “собрание” и развитие политического могущества. В привольные русские равнины, населенные мирным народом, где

*Цвели богатые станицы,
Плясал веселый хоровод, —*

с гор часто спускались хищники, грабили, жгли и убивали, и, пока успевало собраться русское войско, отважный и свирепый враг был уже далеко, исчезая как ветер.

Война – бесчеловечное, страшное явление, и не скоро еще, быть может, придет время, когда “*homo homini lupus*”^[9]. Гоббса станет окончательным анахронизмом. Но бывают роковые исторические положения, когда война является фатальной необходимостью, и как бы ни был гуманен правитель, как бы он ни осуждал свирепый обычай, остаток далекого прошлого, – производить массовые убийства, он силою обстоятельств принужден бывает санкционировать войну.

В таком же положении была и наша родина, придвинувшаяся своими равнинами к громадному горному гнезду, из которого налетали хищники на мирные села и города, производили опустошения и бесследно скрывались. Государство требовало “округления границ” и должно было с этой своей окраины опираться на мощную кавказскую цепь, способную составить прочную естественную преграду против наших закавказских соседей. Началась кавказская война – эта колоссальная драма для целых десятков

племен, защищавших до последней капли крови родные гнезда и все-таки сдававшихся и покидавших их под натиском упорного врага, приводившего с севера на место погибших новые батальоны. Это была не нынешняя война, уничтожающая врага по математическим правилам, часто с дальних расстояний, и почти не нуждающаяся в солдате как в личности; это был, скорее, поединок, где враги сходились грудь с грудью и вопрос решало личное мужество.

Если бы на Кавказе были поэты, обладавшие фантазией создателей индийского эпоса, то ими созданы были бы могучие образы героев, перед которыми побледнели бы теперешние витязи северных саг и индийских сказаний. Страшно читать про эти кавказские битвы, где солдаты лезут на отвесные скалы, цепляясь за кусты, опираясь на ружья, к засевшим на вершине, поющим свою предсмертную песню, мюридам; или про эти свалки на завалах, за которыми укрылся отчаянный враг, решившийся дорого продать свою жизнь...

Много уже прогремело имен кавказских героев, воспетых в солдатских песнях и оставивших страшную память у горцев: Цицианов, Котляревский, Ермолов... К этим знаменитым именам прибавились впоследствии имена Воронцова, Барятинского и Евдокимова.

В 1844 году, 27 декабря, граф Михаил Семенович Воронцов, уже 63-летним стариком (он родился 19 мая 1782 года), был назначен наместником кавказским и главнокомандующим кавказских войск, с правом, однако, проводить некоторое время ежегодно в Крыму. На это новое служение Воронцов призывался собственноручным письмом императора Николая, надеявшегося на мужество и таланты графа. Последнему были предоставлены громадные права и полномочия, каких еще не было никому дано до того времени, и на нем же было оставлено главное заведование Новороссийским краем.

Все русское и сочувствующее нам туземное население на Кавказе ликовало: слава о Михаиле Семеновиче как о богатом, приветливом и просвещенном вельможе, как о знаменитом воине и умудренном опытом государственным муже, наконец, как о добром и прекрасном человеке – давно уже ходила по Кавказу, близкому к району недавней деятельности Воронцова. Было немало на Кавказе и прежних сослуживцев графа, сохранивших о нем хорошую память и передававших добрые вести о новом наместнике. Все были довольны, тем более, что Нейгарт, предместник Воронцова, оставил по себе не совсем хорошие воспоминания. Новый начальник, по дороге к месту службы, заехал к своему другу, старому кавказскому ветерану Ермолову посоветоваться о предстоящих задачах.

В марте 1845 года состоялся царственный, по своей торжественности и великолепию, въезд в Тифлис кавказского наместника. Далеко за город вышли к нему и власти, и обыватели. Гремела музыка, слышались выстрелы, гудела зурна; яркое и теплое кавказское солнце освещало пеструю волновавшуюся толпу, состоявшую из смеси всех племен, наречий и состояний. На другой день состоялся во дворце прием разных лиц, и новый “сардарь” (главнокомандующий) показал себя ласковым, добрым и простым человеком.

Но вовсе не в расчете на свойственную ему “мягкость” послан был Воронцов на Кавказ. Напротив, император Николай рассчитывал на его способность к энергическим мерам, на не знающее усталости трудолюбие и на способность рядом мощных ударов сломить непокорный Кавказ, стоивший уже государству и бесчисленным миллионам, и громадных кровавых жертв. Рассчитывалось, кроме того, на большой административный опыт графа для водворения на месте порядка и для прочного соединения этой непокорной окраины с русским государством.

В энергической, мощной руке для ведения войны на Кавказе являлась крайняя необходимость. Во главе горцев тогда стоял Шамиль – хитрый, энергичный и смелый человек, объединивший под своею политической и религиозной властью фанатические толпы врагов и обнаруживший в успешном ведении войны с русскими несомненные военные таланты. Эти успехи, в свою очередь, еще больше подняли его авторитет в глазах населения и возбудили в последнем надежду на полное освобождение от “урусов”.

Шамиль, скромно проживавший последние годы своей жизни, после падения Гуниба, в Калуге и порою обнаруживавший совсем несвойственную герою сварливость и скардность, много стоил крови и денег за те десятки лет, в которые он воевал с нами, пока его не сломила энергическая рука князя Барятинского в “орлином гнезде” Гунибе... Года за два-три перед назначением Воронцова успехи Шамиля достигли наивысших размеров: целые десятки русских укреплений были взяты мюридами, гарнизоны их истреблены, совершены самые отчаянные набеги в русские владения, и многие, прежде покорные нам аулы отложились от нас... В перспективе виднелись повальное восстание и неисчислимы бедствия для нашего владычества на Кавказе. Необходимо было остановить дерзкого врага, нужно было проникнуть в глубь его страны и там нанести ему решительное поражение.

Но первые шаги Воронцова в этом направлении были печальны. Экспедиция в Чечню для взятия аула Дарго, тогдашней резиденции

Шамиля, завершилась громадными потерями в несколько тысяч человек и еще более подняла дух Шамиля и горцев. Правда, Дарго, аул в несколько десятков укрепленных саклей, был взят; но какое это могло иметь значение, когда Шамиль мог из каждого дагестанского или чеченского аула сделать неприступную твердыню?

Обратный поход войск через дебри Ичкеринских лесов, наполненных массаами неприятеля и десятками завалов, был похож на шествие римских легионов Варра в Тевтобургском лесу. В некоторые моменты этого похода можно было опасаться гибели всего отряда и плена главнокомандующего. Знаменитый кавказский герой Пассек погиб почти со всем своим авангардом, и даже самые опытные и храбрые генералы, прокопченные порохом кавказских битв, едва спасли страшно поредевший отряд, к которому подоспело подкрепление из крепости Грозной.

Но Воронцов не так был виноват в исходе этого дела, план которого разрабатывался в Петербурге и уже готовым был вручен для исполнения. Наместник указывал на необходимость отложить экспедицию до его личного подробного ознакомления с делами, но желание императора Николая I унять Шамиля и присутствие большого количества войск на Кавказе в 1845 году решили вопрос в пользу начала немедленных действий.

Тем не менее, эта экспедиция, стоившая так много жертв, сдружила закаленные кавказские войска с их новым вождем: он сам разделял тяготы экспедиции в простой походной палатке. Во время отступления в глубине чеченских лесов для облегчения лошадей, предназначенных для раненых, он приказал вместе с имуществом отряда сжечь и свой большой, ценный багаж. Ласковое, участливое отношение к солдатам и в особенности к раненым за этот достопамятный поход надолго сохранилось в сердцах войск, а поведение вождя, его неутомимость и та постоянная нравственная бодрость, которую он проявлял в эти тяжелые дни, подкрепляли солдат и прогоняли панику.

Так началось кавказское служение Воронцова. Было еще несколько таких же, сопряженных с огромными жертвами, походов, в основе которых лежала мысль, может быть и вполне правильная по отношению к Европе, но совсем ложная на Кавказе: взятием резиденции покорить страну.

Так были взяты шамилевские укрепленные аулы в Дагестане: Гергебиль, Салты и Чох (1847 – 1849 годы).

Эти экспедиции, проникавшие в сердце родины горцев, все-таки должны были дать последним идею о могуществе русских и заставляли многие аулы приносить нам покорность. Но вышеуказанные неудачи, неизбежные в страшном деле войны, вскоре помогли Воронцову

выработать более целесообразный план ее, при котором не могло уже быть таких больших жертв, как прежде. Краткая формула этой новой борьбы такова: Кавказ нужно покорять не одним штыком, но и топором. Вырубка широких просек в девственных лесах для беспрепятственного движения русских отрядов зимой, когда неприятелю труднее было действовать в безлиственных дебрях; беспощадное истребление жатвы, имуществ и аулов непокоряющихся и враждебных племен и предоставление льгот и преимуществ изъявляющим покорность горцам, заселение пространств, освобожденных от врага, казацкими станицами и постройка укреплений – вот эта программа для покорения “непокорного” Кавказа, начало осуществления которой положено Воронцовым, а окончательное выполнение доставило славу энергическому князю Барятинскому и графу Евдокимову.

Параллельно с этой программой военных действий должна была осуществиться и программа гражданских реформ и мероприятий, которые имели целью обрусение окраины.

В августе 1845 года Воронцов за экспедицию в Дарго был возведен в княжеское достоинство. “Благодарю Вас душевно, – писал император Николай I Воронцову после страшного, но геройского Дарго, – за новые Ваши подвиги. Я ожидал их от Вас, Вы их исполнили...”

Мы не можем проследить за всеми подробностями военной борьбы на Кавказе и предоставим себе только отметить некоторые ее характерные эпизоды, – пока же перейдем к “гражданской” деятельности Воронцова. Прежде всего Михаил Семенович круто изменил практиковавшееся прежде отношение к туземцам: вместо “затиранья” и пренебрежения он показывал к ним все знаки уважения, в особенности к представителям родового грузинского дворянства.

В таких действиях сказывалась мысль государственного человека, желавшего “привязать” к России лучшую часть населения покоренной страны, а также и врожденное джентльменство Воронцова, не позволявшее третировать представителей благородного сословия. Местное дворянство получило право выбора и назначения на разные должности. Несколько дочерей местных князей назначены были фрейлинами к императрице. Есть, конечно, немало представителей совсем иного взгляда на этот предмет; многим удобнее кажется посылать в покоренные страны щедринских “ташкентцев”, нежели поручать работу людям из местного общества, знающим обычаи и нравы своей страны; и, конечно, люди, державшиеся такого взгляда, осуждали Воронцова. “Затирает русских!” Этот крик людей, усвоивших себе девиз “горе побежденным”, и тогда раздавался около

наместника.

Но нам такой образ действий князя кажется и симпатичным, и более дальновидным, чем всякие иные взгляды на отношение победителей, к побежденным.

В эту же систему входили и другие меры: покровительство бракам русских с представительницами местных аристократических фамилий, частые балы во дворце наместника, блеск и великолепие которых действовали на восточную фантазию гостей и др.

Неутомимые занятия старого Воронцова и на Кавказе изумляли его сослуживцев и подчиненных. Вырубка лесов в Чечне и экспедиция в Дагестан заставляли его часто покидать Тифлис и участвовать во многих походах, а также делать объезды в стране, которая была ему еще мало известна. В это уже время болезнь глаз давала себя чувствовать, но не ослабляла энергии Воронцова. “Приветливость” и “мягкость” князя не оставляли его до конца его служения на Кавказе. Доступен он был всем, и это очень нравилось тщеславным туземцам, любившим часто стоять на подъезде дома сардаря (главнокомандующего) и, важно разглаживая усы, раскланиваясь с проходящими приятелями, давая им таким образом знать о своем знакомстве с князем. У дома наместника был прибит ящик, куда опускались просьбы, все до одной рассматривавшиеся князем. Одним словом, поведение этого мягкого сановника, не отгораживавшего себя барьером от толпы, давало последней возможность искать у него защиты и справедливости. Рассказывают, что после ухода Воронцова с Кавказа, за которым вскоре последовала и его смерть, там сложилась следующая поговорка, указывающая на добрую память о князе: “До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер”.

Но жестоко ошибется читатель, если подумает, что “мягкость” наместника нигде ему не изменяла. Увы, и этому европейски талантливому человеку приходилось производить крутые расправы и применять по отношению к тяжело провинившимся горцам строгие меры: так, бывали дни, что на площади Тифлиса вешали за грабежи и убийства сразу по нескольку туземцев. Князь, очевидно, был последователем созданной юристами теории “устрашения”, жестокой и, может быть, не раз уже доказавшей свою несостоятельность, но до сих пор еще применяемой. И “мягкий” Воронцов в этих случаях не церемонился, чему могла способствовать и вся атмосфера тогдашней кавказской жизни, где уже доподлинно жизнь была копейкою. Возможно, впрочем, что такое отношение к преступникам выработалось у князя еще в Англии, где в то время вздергивали без церемонии на виселицу за кражу барана или подлог

векселя. Известно, что безукоризненные английские джентльмены, вечно укоряющие другие государства в жестокости, употребляли утонченные казни при усмирении восстания в Индии, и уже на наших глазах произведены громадные убийства в Массове просвещенными итальянцами.

Бывают такие натуры – мягкие и приветливые, но жестко непоколебимые в исполнении того, что они считают роковой необходимостью. Одной из таких натур был Воронцов, прямолинейный человек, не терпевший возражений или помех в том, что ему представлялось государственной необходимостью.

Мягкость его обращения, не мешавшая строгости даже с теми, кому князь еще вчера жал руку, если узнавал об их виновности, подала повод к довольно забавному анекдоту. Во время объезда своих владений Воронцов подал руку одному из представлявшихся, который внезапно упал князю в ноги и умолял о помиловании. На вопрос удивленного сановника, что это значит, тот объяснил, что если сардарь кому подает руку, – этот человек погиб. Насилу князь успокоил бедняка.

А какую войну пришлось вести на Кавказе! Какие и славные и вместе глубоко трагические картины были за 60, 70 лет этой войны! Славные потому, что презрение к смерти невольно внушает уважение, как и защита слабого, и спасение раненого. Аулы разорялись, стада угонялись, жатва уничтожалась русскими, и бедные, оборванные горцы, выгнанные из своих жилищ, шли в Закавказье, шли в Турцию и погибали на дороге. Бывали не раз случаи, что горские женщины, не желая сдаваться русским, бросались в пропасти с детьми. А подвиг рядового Осипова в укреплении Михайловском. Перед ним бледнеют мифический Муций Сцевола и Коклес! Когда мюриды ворвались в укрепление Михайловское, гарнизон которого, весь перераненный, несколько суток отбивался от вдесятеро сильнейшего неприятеля, то Осипов со словами: “помните меня, братцы!” выстрелил в пороховой погреб и вместе со своими и толпой врагов взлетел в воздух. Читатель, конечно, знаком с характером кавказской войны из прекрасных рассказов Толстого, а также из Лермонтовского “Валерика” и “Максима Максимыча”. “Только выйдешь, а уж за камнем какой-нибудь косматый дьявол сидит!” – так говорил Максим Максимыч про черкесов.

Кавказские враги русских – это не знающие усталости хищники, всюду проникающие, смелые и неуловимые. При Воронцове, как и при его предшественниках, бывали удивительные случаи, будто выхваченные из сказки: генералы, уцелевшие в кровавых сражениях, погибали во время переходов по сравнительно мирным дорогам только от того, что удалялись на несколько шагов от сопровождавшей их “оказии”, а убийца и след

простывал. В двадцати шагах от роты солдат, на ее глазах, несколько горцев набрасываются на офицеров, неосторожно опередивших своих провожатых, обезоруживают их и, связав добычу и схватив лошадей за узды, бросаются в волны глубокого и быстрого потока, в виду оторопевших солдат переправляются на другой берег и скачут с пленниками в горы. Но если бы мы вздумали перечислять многие эпизоды сказочной кавказской эпопеи, то нам, разумеется, не хватило бы и десятков томов. Мы здесь расскажем только один чрезвычайно интересный случай из этой войны при Воронцове. Он укажет несколько занимательных черт из отношений победителей к побежденным, а также даст понятие и о том, с какими удалыми “джигитами” пришлось мериться силами кавказским войскам.

Одним из самых знаменитых пособников Шамиля был Гаджи-Мурат, наделавший русским больших бед, в которых, может быть, были виноваты мы сами.

Гаджи-Мурат сначала служил офицером в нашей милиции, но, оскорбленный грубою формою ареста его за ссору с родственником, сделался нашим врагом. Когда Гаджи-Мурата, связанного веревкою, вели по горной дороге, он бросился в пропасть и увлек за собою державшего его солдата, убившегося до смерти. Сам же горец со сломанною ногою дополз до соседнего аула, где его и приютили. С тех пор он был грозою наших, и слава его как джигита гремела по всему Кавказу. Безумно смелые набеги, лихие схватки, неуловимость, отчаянная храбрость – все это сделало его страшным врагом, в особенности при хорошем знании местностей, куда он направлял свои удары. И легко понять радость Воронцова, когда он к концу 1851 года узнал, что знаменитый сподвижник Шамиля Гаджи-Мурат поссорился с Имамом, завидовавшим его славе, а может быть и награбленному набегами золоту. Вскоре Гаджи-Мурат с двумя-тремя преданными ему мюридами явился к сардарю с повинною.

Беглеца не только простили, но обласкали, отвели ему хорошую квартиру и дали большие деньги на расходы, хотя не перестали следить за его действиями. Джигит обещал оказать важные услуги русским и просил позволения объехать наши передовые линии, что и было ему разрешено.

Но затосковал ли горец по своей семье, захваченной Шамилем и не уступаемой нам, несмотря на усилия Воронцова, или он опять раскаялся в своем поступке и хотел идти с повинною к Шамилю – неизвестно, но на одной из своих обычных верховых прогулок Гаджи-Мурат неожиданно убил конвоировавшего его урядника, а один из мюридов тяжело ранил другого провожатого, и разбойники ускакали.

Это наделало страшного переполоха и напугало Воронцова, так как

Гаджи-Мурат был бы еще опаснее для нас теперь, когда он познакомился с расположением русских войск. Но отважному джигиту не суждено было увидеть Шамиля. Совершенно случайно обнаружили его бивуак в кустах среди поля, где он остановился со спутниками, не думая, что русские пойдут искать беглецов по соседству с местом происшествия. Его окружили до трехсот милиционеров, но он не хотел сдаваться. Гаджи-Мурат был так страшен, что никто не осмелился броситься на него врукопашную и в знаменитого джигита стреляли наугад, по кустам. Только прибытие другой, более отважной кучки милиционеров, покончило эту неравную борьбу, и Гаджи-Мурат, получивший несколько ран от выстрелов и затыкавший их ватой из своего бешмета, истекая кровью, все-таки отчаянно защищался. Его убили и голову отправили в Тифлис.

Тогда только успокоился Воронцов, когда увидел это несомненное доказательство гибели джигита. Голову знаменитого разбойника многие смотрели, но, разумеется, наместник не мог воткнуть ее на кол и показать всему Тифлису: это уже слишком бы напоминало восточных ханов. Череп убитого был отправлен в анатомический музей.

Насколько важным считался Гаджи-Мурат и сенсационным этот эпизод с ним – доказывает целый ряд писем Воронцова к военному министру Чернышеву и доклады государю. Но закончим на этом рассмотрение “разрушительной” деятельности князя Воронцова, которая шла успешно благодаря, конечно, и счастливому выбору помощников, из которых самым знаменитым является Барятинский, герой Гуниба (1859 год), окончательно покоривший Кавказ. Пядь за пядью отвоевывались твердыни Кавказа у горцев, заселялись русскими, и звезда Шамиля закатывалась. Близок уже был день окончания этой более чем полувековой борьбы.

Обратимся к “созидательной” деятельности старого кавказского наместника.

По-прежнему он берег солдат и, будучи тверд в расправе с врагами, не щадил и своих русских, жестоко обращавшихся и обижавших людей, сломивших своею грудью шамилевские твердыни. В этих случаях Воронцов был неумолим, и многие при нем заплатились за покушение на “солдатский паек” и за слишком вольное обращение со шпицрутенами. Известно, между прочим, громкое дело флигель-адъютанта Копьева, сначала бывшего любимцем Воронцова.

Во время приема депутации в Прочном Окопе, при объезде подведомственного Воронцову края, князь заметил, что жители разделились на две части, причем оказалось, что большая кучка состояла из

раскольников, которые рассказали о претерпеваемых притеснениях. У князя задрожали губы от волнения, и он тут же приказал отпереть молельню и дозволил богослужение. Этот эпизод характеризует веротерпимость князя, не совсем даже согласовывавшуюся с тогдашними законами. Рассказывают, что на представления об этом своих сослуживцев князь отвечал:

– Если бы нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня бы прислал, а свод законов!

Более упрощенное разделение края в административном отношении, основание большого количества учебных заведений не только русских, но и магометанских, триангуляция края, улучшение путей сообщения, пароходство по Риону и Куре, межевание, основание театра, библиотек, фабрик и заводов, улучшение виноградарства и прочее – вот некоторые из черт созидательной деятельности Воронцова на Кавказе. Храбрые батальоны, сражавшиеся с врагом, в мирное время являлись у Воронцова культурными работниками.

Инициатор пароходства по Черному морю, князь Воронцов учредил срочное пароходство и на Каспийском. На основанные им благотворительные учреждения в крае и вообще на цели благотворения пошли его собственные сотни тысяч. Газета “Кавказ”, кавказский музей, оздоровление и обустройство грязного Тифлиса, общество сельского хозяйства – на все это хватало внимания князя, постоянно отвлекаемого военными событиями. Трудно перечислить все то, что сделано, помимо военной сферы, князем. Само собою ясно, что внимание такого деятельного, просвещенного человека, считавшего мирную работу могучим рычагом для прогресса общества, должно было захватывать все стороны жизни этого общества.

Были, конечно, большие промахи, были люди, эксплуатировавшие даже дальновидного князя, были жестокости, требовавшиеся роковым ходом событий и нуждами того могучего государственного организма, которому призван был служить князь и ради здоровья которого считалось необходимым производить ампутации и кровопускания. Есть, конечно, разные взгляды на служение государству, но, по крайней мере, свое дело князь делал бескорыстно и убежденный в его полезности.

Постоянные труды и разъезды по нездоровой местности сломили старика. В 1851 году, сопровождая отряд на реку Белую, князь заболел лихорадкой, которая окончательно подорвала его силы и заставила подумать об отдыхе.

Надвигалась крымская война. Положение наше на Кавказе было

трудное: обнаженным границам государства угрожали две турецкие армии, а между тем все наши войска находились в действии против Шамиля. Усталый деятель сложил оружие и уступил место другим. Время перед его уходом было ознаменовано победами наших войск над турками – при Башкадыкларе и Ахалцыхе, а также знаменитым Аннибаловским походом князя Аргутинского через главный кавказский хребет, спасшим нас от опасного нашествия Шамиля.

Четвертого марта 1854 года, после девятилетнего наместничества, уезжал князь из Тифлиса. Хотя он уезжал в отпуск, но многие уже знали, что он не возвратится в Тифлис. Надломленное здоровье требовало окончательного отдыха от дел, и в том же 1854 году Михаил Семенович был уволен с должности наместника.

В 1856 году, в коронацию покойного государя, Воронцову, имевшему уже титул “светлейшего”, были оказаны высокие почести: он был произведен в генерал-фельдмаршалы. Шестого ноября того же года князя не стало: он скончался в Одессе, где и похоронен в Преображенском соборе.

В Одессе в 1863 году, а в Тифлисе в 1867, Воронцову, в этих двух центрах его неутомимой деятельности, поставлены памятники.

Так кончилась эта бурная и во многих своих подробностях славная жизнь. Воронцов достиг всего, чего только может добиться человек на земле: славы, почестей и богатства. Но был ли он счастлив? Давали ли его душе удовлетворение эти внешние атрибуты счастья? Неизвестно, – “чужая душа потемки”. Но, может быть, сознание того, что он исполнял свой долг, часто страшно тяжелый, и по мере сил и понимания старался быть справедливым – это сознание давало известное нравственное удовлетворение покойному фельдмаршалу.

Литература

1. “Архив князя Воронцова” (Т. 1 – 37).
2. “История России” С. М. Соловьева.
3. “Двадцать пять лет на Кавказе” А. Л. Зиссермана.
4. “Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи” графа А. Бобринского.
5. “История войны и владычества русских на Кавказе” Н. Дубровина.
6. “История Екатерины II” Бильбасова.
7. “Замечательные богатства частных лиц в России” Е. П. Карповича.
8. “Русские уголовные процессы” А. Любавского.
9. Сочинения А. С. Пушкина.
10. “А. С. Пушкин” Анненкова.
11. Н. Костомаров. “Фельдмаршал Миних”. “Цесаревна Елизавета Петровна”.
12. А. Брикнер. “Семейная хроника Воронцовых”. “Жизнь Петра III и другие”.
13. “Русские бывшие деятели” Баумана.
14. “Записки Одесского общества истории и древностей”.
15. Новороссийский календарь на 1863 год.
16. “Мирович” Данилевского.
17. Журналы “Русский архив” и “Русская старина” (статьи Рябинина, Филипсона, Фелькнера, Щербинина, Маевского, “Дневник Храповицкого”, “Записки Гарновского”, “Русские избранники” Гельбига и мн. др.), “Вестник Европы”, “Русский вестник”, “Военный сборник”, “Исторический вестник” и другие.
18. Газеты “Кавказ”, “Иллюстрированная газета” и другие.

Примечания

1

благородство обязывает (фр.)

2

переворот, решительное преобразование, поворот (фр.)

3

в курсе, на уровне (фр.)

4

рейтаров (фр.)

“О духе законов” (фр.).

6

(от лат. sequestre) – ставлю вне, отделяю) – запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование каким-либо имуществом

7

славный малый (фр.)

“Какая хорошая новость, Государь!” (фр.).

“Человек человеку волк” (*лат.*)